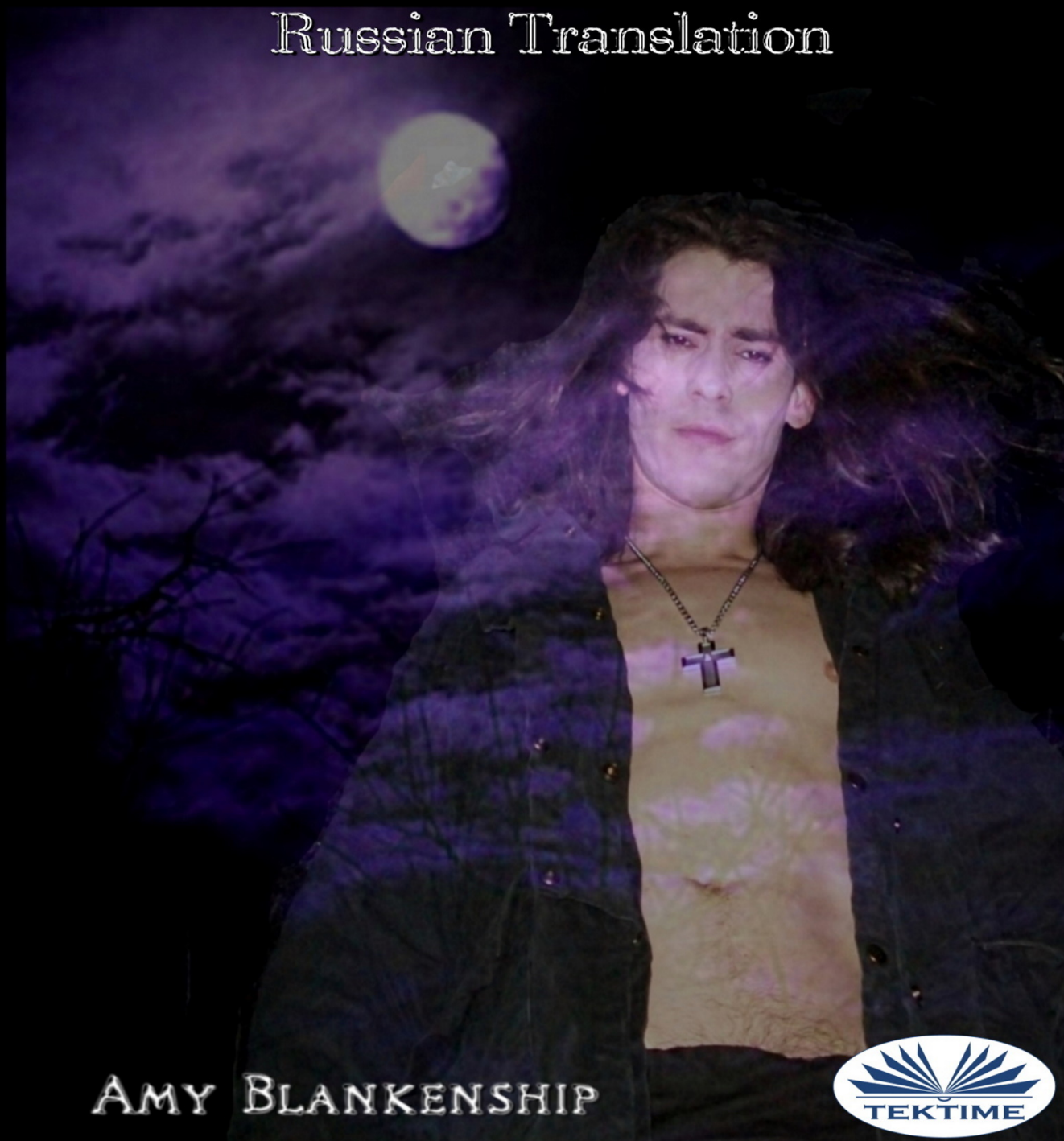

Не перечь своему сердцу

Серия «Кристалл Сердца Хранителя»
том 2

Russian Translation

AMY BLANKENSHIP

Amy Blankenship

Не Перечь Своему Сердцу

«Tektime S.r.l.s.»

Blankenship A.

Не Перечь Своему Сердцу / А. Blankenship — «Tektime S.r.l.s.»,

Юная девушка, родившаяся более тысячи лет назад, случайно оказывается в поражённом войной мире, неся с собой единственное, что может как исцелить, так и уничтожить его — испуганный камень под названием Кристалл Сердца Хранителя. Когда пятеро братьев притягиваются к ней и становятся её защитниками, битва между добром и злом превращается в битву сердец. Теперь, когда кристалл разбит, а враг приближается, им приходится ещё и бороться с заклатьем, настроившим их друг против друга. Страсти накаляются, секреты хранятся в тайне, а ревность начинает опасную игру между могущественными братьями, и вожеление становится одержимостью. Смогут ли братья не дать врагу заполучить ту, кого они все пытаются защитить?

© Blankenship A.

© Tektime S.r.l.s.

Содержание

Легенда о Сердце Времён	6
Глава 1. Тайная любовь	8
Глава 2. Утренние страхи	14
Глава 3. Поцелуй ревности	23
Глава 4. Не уходи	29
Глава 5. Опасная ревность	34
Глава 6. Недоразумения	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Не перечь своему сердцу
Серия «Кристалл Сердца Хранителя», том 2
Эми Бланкеншип
перевод Andrei Beliaev
Copyright © 2006 Эми Бланкеншип
Англоязычное издание опубликовано Эми Бланкеншип
Второе издание опубликовано «TekTime»
Все права защищены.

Легенда о Сердце Времён

Миры могут меняться... но истинные легенды не угасают никогда.

С начала времён идёт война между тьмой и светом. Миры формируются и разрушаются под ногами их создателей, но постоянная потребность в добре и зле никогда не ставится под сомнение. Однако иногда в этом котле появляется новый ингредиент... то, что хотят обе стороны, но заполнить может только одна.

Парадоксальный по своей природе Кристалл Сердца Хранителя является единственной константой, к достижению которой всегда стремились обе стороны. Этот чистый и прозрачный камень обладает способностью создать и уничтожить известную нам вселенную, но также может положить конец всем страданиям и раздорам. Одни говорят, что Кристалл обладает собственным разумом... другие — что за всем этим стоят боги.

Каждый раз при появлении Кристалла хранители готовы защищать его от всех, кто мог бы использовать его в корыстных целях. Личности этих хранителей остаются неизменными, и они способны любить с неугасающей яростью, независимо от мира и времени.

Одна девушка находится в кругу этих древних хранителей и является объектом их страсти. Она содержит внутри себя силу самого Кристалла. Это и носитель Кристалла, и источник его силы. Порой границы размываются, и миссия по охране Кристалла превращается в миссию по защите жрицы от других хранителей.

Это вино, которое насыщает сердце тьмы. Это возможность сделать хранителей Кристалла слабыми и уязвимыми. Тьма жаждет владеть силами Кристалла и девушки подобно тому, как мужчина жаждет владеть женщиной.

В каждом из этих измерений и реальностей вы найдёте потайной сад, известный как Сердце Времён. В нём находится статуя юной человеческой жрицы, стоящей на коленях. Она окружена вековой магией, которая надёжно скрывает и хранит её сокровище. Дева вытянула ладони перед собой, как будто ожидает принять некий дар.

Легенда гласит, что она ждёт возвращения к ней могущественного камня, известного под названием Кристалл Сердца Хранителя.

Только хранители знают разгадку тайны статуи и её происхождение. До того как пятеро братьев сделали свой первый вдох, их предки, Тадамичи и его брат-близнец Хякухэй, защищали Сердце Времён в самые трудные годы. На протяжении нескольких эпох близнецы хранили Печать, которая не давала миру людей слиться с царством демонов. То была их священная миссия — беречь жизни как людей, так и демонов, и держать их миры в тайне друг от друга.

Во времена их правления небольшая группа людей неожиданно попала в мир демонов по воле священного Кристалла. В то смутное время его сила вызвала разрыв в Печати, разделившей измерения. Осознав опасность, предводитель группы людей и Тадамичи быстро стали союзниками и заключили пакт, согласно которому должны были закрыть разрыв Печати и навсегда отделить эти два мира друг от друга.

Однако тогда и Хякухэй, и Тадамичи влюбились в дочь предводителя людей.

Вопреки желаниям Хякухэя разрыв был закрыт Тадамичи с этой стороны и отцом девушки с другой. Сила Печати выросла десятикратно, навеки разделив опасный любовный треугольник. Сердце Хякухэя было разбито... Даже его родной брат Тадамичи предал его, оставив между ним и жрицей целую вечность.

Потерянная любовь может превратиться в чёрное зло, и разбитое сердце Хякухэя наполнилось лютым гневом и ревностью, что привело к битве между двумя братьями, гибели Тадамичи и разделению их бессмертных душ. Из этих осколков бессмертия были созданы пятеро новых стражей, которые унаследовали миссию охраны Печати и стали защищать её от Хякухэя, который объединился с демонами в царстве зла.

Поглощённый тьмой Хякухэй отринул все мысли о защите Сердца Вре́мён... и вместо этого начал прилагать все усилия к полному уничтожению Печати. Под его красивейшим лицом, достойным самых очаровательных ангелов и обрамлённым черными, как ночь, волосами, спускавшимися ниже колен, бурлило истинное зло.

Когда начинается война между силами света и тьмы, ослепительный голубой свет исходит из священной статуи, сигнализируя о том, что юная жрица возродилась, а кристалл вновь появился на другой стороне.

Когда к ней стягиваются стражи и становятся её хранителями, начинается настоящая битва между добром и злом. Здесь открывается дверь в иной мир, где тьма господствует над миром света.

Это одно из их многочисленных эпических приключений...

Глава 1. Тайная любовь

Хякухэй стоял перед Сердцем Вре́мён, зная о том, что жрица по-прежнему находится по ту сторону Печати — в своём мире. Его полуночные волосы стекали по телу, как тёмная пелена. Его крылья широко распахнулись, и созданные ими потоки воздуха всколыхнули окружающую траву. Его идеальные губы скривились в многозначительной улыбке. Жар порчи прошёл по земле вокруг святилища, придав ему злое вид.

Словно притянутый некой неведомой силой, он подлетел к статуе девы, которая стояла на коленях с вытянутыми руками, как будто прося его о чём-то. На мгновение его взгляд смягчился в память о юной жрице, которую символизировала статуя. Неужели хранители думают, что смогут объединить силы и разлучить их навсегда?

Одним гневным мановением руки он заставил светящуюся траву шипеть и переливаться злое аурой, после чего заклятие скрылось глубоко внутри её стеблей.

— Чёрт возьми! Куда же подевалась Киоко? Она уже давно должна была вернуться, — проворчал Тоя в десятый раз за последние полчаса. Он провёл дрожащей рукой по своим чёрным волосам с серебристыми прядями и выглянул из раскрытого окна в сторону святилища. Отвернувшись от остальных, он позволил беспокойству наполнить его золотистые глаза.

Зуки отвлеклась от полировки своего копья, подёрнув бровью.

— Тоя, Киоко явно не собирается возвращаться сегодня. Она наверняка чем-то занята, так что смирись и дай нам отдохнуть, — она повернулась к Камуи, который сидел рядом с ней: — Он когда-нибудь вообще уговорится?

Камуи улыбнулся, зная, что вслух лучше не отвечать. Его подёрнутые звёздной пылью глаза понимали суть жалоб Тои. Камуи был самым юным из стражей, но далеко не самым наивным. В человеческих годах его возрасту не было исчисления, как и возрасту его братьев. Он знал, что Тоя изображает злость только для того, чтобы скрыть собственное беспокойство. Даже сам Камуи начал волноваться. Обычно Киоко не заставляла себя ждать. Фиолетовые пряди в волосах Камуи блеснули, когда он поднял лицо в сторону окна, всматриваясь в тёмное небо.

— Для неё же будет лучше вернуться к утру. Иначе, клянусь, я пойду в её мир и вытащу её оттуда сам, — Тоя продолжил ходить из стороны в сторону. Долгое отсутствие Киоко было для него невыносимым. Прошло уже несколько дней, и с каждой минутой он становился всё более сердитым... и обеспокоенным. — Глупая девчонка! — Он вновь был вынужден замолчать, когда Зуки бросила в его сторону недовольный взгляд.

Высокая молчаливая фигура Шинбея стояла возле стены. Он находился там уже целый час. Его голубовато-серый плащ слегка подёргивался от взволнованных движений, которые он пытался скрыть. Ему надоело ворчание Тои по поводу задержки Киоко. Он прикрыл свои аметистовые глаза в попытке сдержаться и не сказать Тое, чтобы тот просто заткнулся. Зная, что Тоя, по всей видимости, не даст никому покоя, пока не вернётся Киоко, Шинбей прикусил язык, чтобы не портить брату и без того плохое настроение.

Аметистовый хранитель пытался хранить присущую ему безмятежность с помощью медитации, следуя своим монашеским учениям. В действительности же его нервы были напряжены настолько, что даже медитация оказалась бессильна. Прямо сейчас Шинбею хотелось задушить Тою, широко улыбаясь в процессе. Его обычно спокойное лицо напряглось, и он опустил голову, чтобы прикрыть его своими иссиня-чёрными волосами.

Когда Тоя и остальные начали готовиться ко сну, Шинбей взял толстое одеяло из кучи вещей в углу их небольшого пристанища и отправился искать уединённое место. Ему очень хотелось побыть вдали от остальных, особенно от Тои. Шинбей умело скрывал свою ревность

к Тое и к любви, которую Киоко проявляла к его брату. Он был с этой группой день за днём только для того, чтобы быть рядом с ней, защищать её... даже если она не отводила глаз от Тои.

Шинбей мучительно стиснул зубы. Ему следовало бы брать пример с двух других его братьев — Кё и Котаро — и отделиться от группы, чтобы сражаться с Хякухэем своими силами. Но он знал, что ему нужно оставаться здесь и оберегать её. Он был одним из её хранителей, и она нуждалась в нём. Кё и Котаро также защищали её, пусть и на расстоянии.

Да, Шинбей знал, что умеет хорошо играть в эту игру и скрывать свою привязанность к Киоко. Чтобы не дать ей раскрыть свою тайну, он долго в этом практиковался и даже приставал к другим девушкам — особенно если Киоко могла это слышать или видеть. Все считали его ловеласом, но никто и не подозревал, что его сердце принадлежит лишь одной — его жрице.

Обычно он делал объектом своих приставаний Зуки, потому что та сразу же начинала его лупить, а боль помогала ему привести мысли в порядок. Однако при малейшей возможности раскрыть перед Киоко свои истинные чувства он превращался в жалкого труса.

В последнее время ему было всё сложнее притворяться, и на душе у него становилось всё тяжелее. Киоко доверяла ему, улыбалась ему. Она говорила с ним, часто изливала ему душу, когда расстраивалась из-за незрелых выходок Тои. Всё это постепенно подтачивало его.

Не осознавая, куда он идёт, Шинбей взглянул вверх и вздохнул. Он был в саду святилища Девы. Даже не осознавая этого, он хотел быть ближе к ней. Киоко не стала бы возвращаться через портал времён так поздно ночью... так зачем же он сюда пришёл?

При взгляде на святилище его аметистовые глаза засверкали, отражая свет луны. Шинбей решил, что это место будет ничуть не хуже остальных... в мире, полном демонов.

Расправив одеяло на мягкой траве, он не обратил внимания на жуткое свечение этого места, подсознательно списав его на игру лунного света. Он лёг и закрыл глаза, ожидая прихода знакомых снов, которые посещали его раз за разом. Они преследовали его, заставляя хотеть, чтобы она увидела в нём не хранителя или союзника... а мужчину.

Киоко застонала, борясь с желанием «убиться о стену». В её голове начала бесноваться совесть, и Киоко была достаточно пьяна для того, чтобы огрызаться ей в ответ. Она не хотела напиваться с Тацуки и его друзьями из колледжа. Всё это было большой ошибкой и её виной. Она пошла на вечеринку в честь Хэллоуина, зная, что никогда ничего не будет пить. НИКОГДА! Она и не пила.

Она зарычала на себя, закатив глаза. Откуда ей было знать, что та огромная чаша с фруктовым ассорти, стоящая рядом с чашей для пунша, была залита спиртным по самые уши? Она думала, что ест грейпфрут, и съела довольно много, прежде чем почувствовала действие алкоголя.

Киоко запуталась в собственных ногах, но быстро выпрямилась, не дав себе упасть.

— Вот же отстой! — прокричала она, зная, что никто её не услышит. Теперь она опаздывала и понимала, что ей влетит от Тои. Одна мысль о том, как он будет орать на неё, уже начала вызывать у Киоко головную боль. — Добро пожаловать в ад... население: один человек, — пробормотала Киоко себе под нос, пнув камешек.

Она отчаянно надеялась на то, что Тоя просто подождёт до рассвета и не придёт забирать её отсюда или, что ещё лучше, дожждётся её появления где-нибудь в середине дня. В её состоянии она едва могла смотреть прямо и уж точно не хотела ссориться с ним. Идти домой ей тоже не хотелось. Она тихонько застонала. Мать отчитывала бы её целую неделю, если бы узнала, что её дочь напилась — даже если всё произошло случайно.

Киоко изо всех сил старалась идти по прямой. Наконец, она дошла до святилища Девы на поляне за её домом. Прикрыв один глаз так, чтобы лучше сфокусироваться на небольшом здании, она захихикала и подумала про себя: «Господи, как же я пьяна». Шатаясь из стороны в сторону, она сделала единственное, на что была ещё способна.

Она вошла внутрь храма, подошла к статуе девы и прислонилась к ней, надеясь благополучно перебраться в другое измерение и так же благополучно отключиться.

Шинбею вновь снился очень эротичный сон. Киоко извивалась под ним, произнося его имя снова и снова, и переходила на крик, когда он как будто хотел пронзить её насквозь и изгнать из неё все мысли о Тое.

Он вздрогнул и проснулся в поту, тяжело дыша и всё ещё чувствуя её под собой. Во сне она позволяла ему любить себя и отвечала взаимностью. Её крики всё ещё звенели в его ушах, а его сердце продолжало биться о рёбра так же быстро, как его тело до этого билось о её лоно.

Шинбей сел и прикрыл лицом ладони. Не имея возможности подавить свои чувства, в тишине он издал крик, полный боли и скрытой ярости от этой жизненной несправедливости. Всё, чего он когда-либо хотел — это просто любить её, и это чувство пожирало его заживо.

Услышав хруст ветки, Шинбей быстро опустил ладони. Его аметистовые глаза просканировали местность и остановились на растрёпанной Киоко. Его мысли моментально застопорились.

— Нет, не может быть... не здесь, не сейчас. — Её глаза расширились от его крика, а её рука была возле рта. «Нет, пожалуйста, уходи, — мысленно умолял он её. — Тебе нельзя сюда. Не сейчас, это слишком опасно... Я опасен».

Она отняла руку от губ, и её взгляд стал обеспокоенным. Затем Шинбей увидел, как она качнулась в его сторону и сделала первый шаг. Он не мог понять, настоящая ли она или порождение сна.

Киоко всё ещё пыталась определить, идёт ли она в верном направлении к хижине, когда услышала где-то рядом почти нечеловеческий крик. Она попробовала сфокусировать зрение, чтобы обнаружить источник звука. Её сердце ещё не успокоилось от полученного испуга. Вскоре она заметила Шинбея, сидящего в траве на одеяле в полном одиночестве. Страшный крик, стало быть, исходил от него.

Она захотела узнать, что случилось. Кто-то умер? Иначе как ещё можно было объяснить этот вопль от обычно спокойного и дружелюбного хранителя. Она старалась держаться на ногах по пути к нему.

Шинбей застонал, наблюдая за тем, как она совершает самую большую глупость на его памяти: она подошла к нему, опустилась на колени и дотронулась до его руки.

— Шинбей, в чём дело? Тебе больно?

Он почувствовал страх в её голосе. Она подумала, что случилось нечто плохое. Он почти рассмеялся над наивностью её вопроса, но решил этого не делать. Она не знала его тайны. Он всё ещё был в безопасности и мог по-прежнему скрывать от неё своё сердце.

Киоко накрыла очередная волна головокружения, и она не смогла удержать равновесие, стоя на коленях перед ним. Она ненароком наклонилась слишком далеко вперёд и упала прямо в его объятия. Давя смех, она вспомнила, что с ним было что-то не так, и вновь открыла глаза, пытаясь сосредоточиться. Всё происходило как будто во сне.

Киоко внезапно заметила, что грудь Шинбея была обнажена. Тугие мышцы пульсировали под её ладонями. Она никогда раньше не видела его без рубашки и была поражена. Она покраснела. Ей не следовало думать о нём в подобном ключе. Он был её хранителем и другом.

В попытках протрезветь Киоко замотала головой, что не очень ей помогло. Она медленно подняла взгляд к его глазам. Шинбей не сдвинулся ни на йоту и не хотел говорить, что случилось. Теперь ей было нужно получить от него ответ, потому что его взгляд начинал её пугать.

Тело Шинбея дрожало, и он едва сдерживал себя, чтобы не прикоснуться к ней. Неведомая сила как будто заставляла его вытянуть руку и овладеть той, в ком он нуждался больше воздуха. В её отсутствие он мог бы успокоиться, но теперь она была в его объятиях и смотрела прямо в глаза — глаза, преисполненные боли — и просто хотела узнать, что стряслось.

С ним определённо было что-то не так, и он не мог остановить то, что стремительно выходило из-под контроля.

— Я так больше не могу, — голос Шинбея звучал надрывно от переполнявших его эмоций. Этими словами он пытался предупредить её, отогнать от себя, отправить обратно через портал времён, где она была бы в безопасности. Пускай не возвращается, пока он не сможет восстановить контроль над своей тайной и вновь её спрятать. Все его чувства кричали о том, что что-то не так, но его разум больше не мог бороться с этим неутолимый голодом.

У Киоко перехватило дыхание, когда она услышала эти слова, наполненные жгучей болью, и ей стало грустно. Все полагались на его хладнокровие — своего рода клей, на котором держалась вся их группа. Даже она восхищалась Шинбеем и ей нравилось, когда он был рядом; при этом она ощущала его спокойствие, чувство юмора и заботу. Но теперь всё было наоборот. Утешать нужно было его.

Наверное, всё дело в битвах с этими демонами... Хякухэй... его проклятие. Господи, его проклятие... ненасытная пустота, которая сведёт его в могилу. Высшая власть, которую дал ему Хякухэй, зная, что когда-нибудь она уничтожит его. Она не забыла. Она просто изо всех сил старалась не думать об этом, но знала, что произойдёт, если они не остановят Хякухэя.

Киоко протянула к нему руку, пытаясь помочь и успокоить его разум.

— Всё хорошо, Шинбей. Я здесь, — в ту же секунду, когда её рука коснулась его лица, оно ожило.

Вся логика пошатнулась, и железная стена контроля пала. Он схватил её за плечи и перевернул так, что она оказалась прижатой к земле его весом. Он склонился над её телом. У него было то, чего он всегда хотел... Киоко. Не думая больше ни о чём, он обрушил любовную ярость своих губ на её лицо, жадно овладев её губами и вытеснив всё прочее из своего разума. Он слишком долго сдерживал это чувство.

Шинбей осознавал, что в какой-то момент потерял контроль над ситуацией. Где-то в глубине его разума теплилась мысль о том, что её губы на вкус отдавали спиртным, да и пахло от неё соответствующе. Контролируя себя достаточно для того, чтобы оторваться от неё на сантиметр, он пристально посмотрел на неё сверху вниз, пытаясь понять, правда ли это. Осмотрев её лицо, глаза и покрасневшие щеки, он ревностно пытался понять, кто же её напоил.

Киоко знала, что это всё было не наяву. Она не могла просто так лежать и смотреть в аметистовые глаза благородного Шинбея. И он не мог смотреть на неё так, как будто желает её. Киоко решила, что она, скорее всего, лежит на траве, а под головой у неё по-прежнему основание статуи девы. Где-то в этом сне она даже слышала, как над ней смеётся Хякухэй.

Она могла поклясться, что помнит, как прислонилась к статуе девы и уснула. Она наверняка сейчас отключилась и грезит, а её опьянённый разум выбрал в компаньоны Шинбея вместо Тои.

Киоко слегка качнула головой, чувствуя головокружение, и выдохнула: «Безумные сны», — глядя в глаза Шинбея, полные страсти. Её губы ещё не отошли от силы сонного поцелуя.

Шинбей снова опустил свои губы к её губам. Он услышал достаточно. Киоко думает, что спит. Шинбею оставалось только надеяться, что это правда. Но, как бы то ни было, он уже не мог остановиться, да и не смог бы при всём желании, поэтому продолжил ласкать её губы. Она разомкнула их с тихим стоном... и этот звук разжёл его пыл ещё больше, насколько это вообще было возможно.

Он весь вспотел в попытках сдержать себя. В нём заговорила кровь хранителя. Он хотел замедлиться, сделать поцелуй глубже, проникнуть в неё, принимая её и отдавая себя без остатка в жарком поцелуе. Он всегда хотел поцеловать её именно так и, казалось, ждал этого целую вечность.

Мышцы его рук задрожали. Он держал себя над ней, занимаясь любовью с её губами и опускаясь всё ниже. Его руки нетерпеливо пытались избавиться её от одежды. Всего через

несколько коротких минут она лежала под ним полностью обнажённая. Она не сопротивлялась, когда он её раздевал. Да и с чего бы? Это ведь сон... верно?

Дыхание Шинбея замерло, когда он посмотрел на неё так же, как она посмотрела на него несколько минут назад, думая, что это всего лишь сон. Она была его жрицей... его тайной... его любовью. Он прижался к ней всем своим телом, наслаждаясь теплом её шелковистой кожи. Это обостряло его душевные муки и потребность обладать ей, заниматься с ней любовью.

— Всё равно это сон, — пытался он убедить себя.

Он наклонил голову и провёл носом по её шее, лизал и целовал её кожу, пробовал её на вкус — мягко, но страстно. Он показывал ей, как сильно любит её, опускаясь всё ниже и ниже. Этот раз будет единственным, когда он сможет увидеть и попробовать её всю. Жаркая волна страсти прошла через него, когда она изогнулась и прижалась к нему. Он взял в рот её грудь, полностью облизывая её языком и приводя её тело в движение. Она застонала.

Все его желания начали сбываться. Шинбей довёл свои поцелуи до её упругого живота, а она извивалась под ним всё сильнее. Всё его тело задрожало, когда она прижала его к себе, пытаясь слиться с ним в одно целое. Шинбей никогда не был так близок к раю, как в окружении её ауры. Медленно, сантиметр за сантиметром, он сползал вниз и возвращался обратно.

Разведя её ноги, он содрогнулся от жара её промежности, который обдал пульсирующую головку его мужского достоинства. Он хотел, чтобы она видела, как он проникает в неё, даже если это был сон. Его тело напряглось в предвкушении.

— Открой глаза, — прошептал он. Его голос был завораживающим и нарочно соблазнительным, и как только она открыла свои красивейшие изумрудные глаза, он сделал выпад вперёд, стремительно войдя в неё до упора, желая сделать боль от её первого соития как можно короче. Мучительный крик вырвался из его горла, когда он почувствовал, как её девственная плева поддаётся ему.

Её разгорячённое шёлковое лоно обхватило его изнутри, затягивая всё глубже. Если бы не его упрямый самоконтроль, он бы тогда вырвался из собственной кожи и вошёл бы в неё всем телом. Он стиснул зубы, стараясь замереть на месте, и тяжело дышал, глядя на то, как она мотает головой из стороны в сторону, а её губы беззвучно раскрываются. В спешке он овладел её губами, чтобы приглушить её очередной крик.

Когда он почувствовал, что она успокоилась, он ослабил поцелуй. Войдя в неё медленно, но уверенно, он был вознаграждён тем, что по мере нарастания страсти Киоко её бёдра поднялись вверх и обхватили его. Он вдыхал её страстные стоны, смакуя их, как дорогие сердцу воспоминания. Слияние их тел заставило его сбросить с себя последние оковы. Он хотел заниматься с ней любовью целиком и полностью, ничего не сдерживая.

Переплетя с ней пальцы, Шинбей вытянул руки Киоко ей за голову и прижал к мягкому одеялу. Он приподнялся над ней, чтобы наблюдать за её страстными гримасами, и вошёл в ритм, который быстро довёл их обоих до экстаза. Быстрые и глубокие толчки перемежались с жёсткими медленными выпадами и напряжёнными паузами, за которыми следовало быстрое отступление с последующей атакой.

Шинбей чувствовал, что она уже многократно достигла пика наслаждения, судя по судорогам, сотрясавшим её тело. Внутри себя она сжимала его всё сильнее. Его тело сверкало под лунным светом — результат так долго сдерживаемой страсти. Она изматывала его, пока, наконец, он не смог больше терпеть и, зная, что сейчас она достигнет очередного пика, задал темп, от которого их тела словно забились в конвульсиях.

Доведя их обоих до оргазма, он сделал последний выпад так глубоко, как только мог, и задержал его, запрокинув голову. Звук, который вырвался из него, не принадлежал ни человеку, ни бессмертному. То были боль и удовольствие в наивысшей точке. Его семя выстрелило в неё... глубоко, горячо, в ритме биения его сердца.

Мир вновь остановился. Шинбей посмотрел на Киоко, и тень страсти промелькнула на её распухших от поцелуев губах, а глаза медленно закрылись.

Уже ощущая горечь от содеянного, Шинбей опустил свои губы к её губам и прошептал над ними правду:

— Я люблю тебя.

Спустя некоторое время, глубокой ночью, Шинбей проснулся и обнаружил Киоко полностью одетой, но спящей рядом с ним на одеяле в тихо шелестящей траве.

Не желая будить её и вновь смотреть в лицо своим грехам, он бесшумно отнёс спящую жрицу вместе с её вещами в стены хижины, где спали остальные члены группы.

Пристроив её на обычное место между стеной и Зуки, он медленно сполз по противоположной стене, подтянув колени к груди — счастливый и одновременно испуганный, как никогда в своей жизни. Если ему было суждено умереть в ближайшие два часа, он бы умер счастливым.

Шинбей закрыл глаза, размышляя над тем, что хуже: прозрение Киоко или её беспамятство. Он знал, что никогда не полюбит другую, ибо для любви нужно сердце, а у него сердца не было. Он уже отдал его. Киоко забрала его сердце в тот же день, когда он впервые увидел её.

Если он не погибнет утром от кинжалов Тои, он знал, что ему придётся остаться там, где он был, тайком любя её и надеясь на то, что она когда-нибудь это заметит.

Глава 2. Утренние страхи

Шинбей вздрогнул и проснулся от крика Тои. Он почувствовал, как все мышцы его тела свело от одной перспективы быть нашинкованным его кинжалами. Любопытство всё же заставило его приоткрыть аметистовые глаза и посмотреть, что происходит.

— Заткнись! — завопила Киоко, вскинув свою руку вверх и прочитав заклинание усмирения. В этот же момент она схватилась в панике за голову, как будто боль пронзила её мозг насквозь.

— Зачем ты это сделала? — прорычал внезапно упавший Тоя, сверля её глазами с пола.

— Ай... — она скривилась и сжала губы в колечко. — Ш-ш! — добавила она в надежде на его понимание.

Шинбей вздохнул, зная, что Киоко мучается с похмелья, и от криков Тои ей было не легче. Он был рад тому, что она смогла парализовать его, хотя и находил странным то, что заклинание усмирения действовало только на Тою. Иногда он даже завидовал этому. Тоя также был единственным, кто мог прыгать назад и вперёд во времени и следовать за ней в её родной мир. В понимании Шинбея это ещё больше сближало их друг с другом.

Он попытался понять, помнит ли она прошедшую ночь с учётом степени её опьянения. Шинбей закрыл глаза и почувствовал, как сжимаются его внутренности, когда Тоя выругался на Киоко за использование заклинания. Пока всё идёт нормально. Его воспоминания вернулись к той ночи в попытке восстановить полную картину произошедшего. Ему показалось странным, что даже для него те события были похожи на сон.

Он вспомнил, что прежде чем принести её в хижину, он наложил на них обоих маскировочное заклинание, чтобы скрыть все запахи от их любовных усад. Не осталось ли следов? Он снова открыл глаза, зная, что никакие уловки не помогут, если она вспомнит о случившемся. Затаив дыхание, Шинбей наблюдал за тем, как Тоя подсел к Киоко, обняв её.

Тоя поморщил нос:

— Киоко, от тебя пахнет алкоголем? — Он присел перед ней, услышав её наполненный болью и стыдом вздох. Она так и не убрала руки от лица. — Как тебе не стыдно, Киоко? Ты напилась? — Тоя не смог сдержаться и снова повысил голос, и тут же закрыл рот, когда она отёрнула руки и злобно посмотрела на него.

— Тоя, прости. Но если ты сейчас же от меня не отстанешь, я сделаю нечто, о чём мы оба пожалеем, — глаза Киоко прищурились. Она подняла руку, как будто собираясь снова наложить на него заклинание, поэтому Тоя был вынужден быстро отодвинуться, недовольно ворча.

Шинбей не смог сдержать довольную усмешку, наблюдая за тем, как Киоко ставит Тою на место. Он спрятал её за кашлем. Иногда эти двое были... забавными. Другой кашель привлёк его внимание. Он заметил, что Камуи, склонившийся над Тоей, тоже не знает, куда деть свой смех.

«Проклятье. Какой же грозной она иногда бывает», — подумал Тоя, спрятав ладони под спущенными рукавами и отвернув лицо в сторону.

— Ладно, потом расскажешь! — Он скосил на неё свои золотые глаза, когда осознал, что сказал это слишком громко. Вскочив на ноги, он вышел за дверь, не желая ждать, когда ей снова придётся его умирять. Хорошо, что это дурацкое заклинание действовало недолго, иначе оно было бы ещё более унижительным.

Зуки не проронила ни слова и просто с интересом наблюдала за Киоко. Когда Тоя, наконец-то, вышел, она осторожно придвинулась к Киоко. Наклонившись, она прошептала:

— Киоко, я схожу тебе за водой. Хорошо? Я скоро вернусь, а ты пока приляг, — покачивая головой, она мягко положила руку на плечо Киоко, пытаясь понять, где их невинная

жрица могла так напиться. Решив повременить с этим вопросом, она развернулась и покинула хижину, чтобы набрать воды для своей подруги.

Камуи не мог упустить такую возможность и расплылся в улыбке от уха до уха:

— Как же ты, Киоко, могла уйти на попойку и не позвала меня с собой? — Его улыбка расширилась ещё больше, когда Киоко косо на него посмотрела. Ощущая, что Каэн ждёт его снаружи, он вышел из хижины и присоединился к своему огненному другу.

Киоко застонала от пульсирующей головной боли. Зря она не попросила Зуки помочь ей порыться в рюкзаке. Она знала, что там можно найти какое-нибудь обезболивающее. В случае успеха она готова была принять всё, что там было. Она увидела поперёк себя чью-то тень и встретила взглядом с пристальным взором Шинбея.

Внезапно в её голове пронеслись видения, как будто он лежит на ней, целует в губы и ласкает её тело. Это ведь был сон... верно? Пьяный сон, ага... она вспомнила. Несмотря на похмельное состояние, она не смогла сдержать поток мыслей и почувствовала, как на её щеках проступает румянец. В тот момент она благодарила судьбу за то, что одной из его сверхспособностей не является чтение мыслей, как у Кё.

— Киоко, с тобой всё в порядке? Что я могу сделать для тебя? — Шинбей чувствовал себя виноватым в том, что она считает произошедшее сном, как она и сказала той ночью. Но ему нужно было знать, помнит ли она что-нибудь. Судя по разлившемуся по её лицу румянцу, он подумал, что это, возможно, так и есть. Когда она, наконец, заговорила, он выдохнул с облегчением и одновременно со страданием. Где-то глубоко внутри, он надеялся, что она всё вспомнит, и положит конец этой игре.

Киоко слабо улыбнулась ему. Чёртовы сны... Почему ей из всех людей приснился именно он? То, что он ей приснился в таком виде — не так уж и плохо, но до этого он никогда не приходил к ней во сне так, чтобы она проснулась рядом с ним, чувствуя тепло его тела.

Она внезапно откинулась назад, подальше от всей этой близости, её изумрудные глаза широко раскрылись. Он смотрел на неё как-то иначе, как будто пытался заглянуть ей прямо в душу. Или хотел её соблазнить... Шинбей был для неё загадкой. Она мысленно покачала головой: «Нет. Не надо туда лезть, девочка. Не сейчас! Подумай лучше, что он спросил».

— Хм... Шинбей, ты не против поискать в моём рюкзаке коробочку с лекарствами? — Она снова приложила ладони к голове, пытаясь унять пульсирующую боль. «Заруби себе на носу, девочка: никогда, вообще никогда, не ходи на вечеринки к Тацуки и его друзьям».

Шинбей начал рыться в её сумке в поисках лекарств. Вынув коробочку, он передал её Киоко. Та случайно задела своей рукой его руку, и всё тело Шинбея как будто пронзила молния, которая заставила затвердеть определённую его часть.

«Ох, как же она сейчас уязвима! Хоть сейчас бери и... НЕТ! О чём ты думаешь? О, боги... как же все правы, когда называют меня извращенцем!»

В попытках быстро отдалиться на безопасное расстояние он нечаянно задел рукой её бедро.

Киоко внутренне содрогнулась от контакта. Зачем так вышло, что именно он начал ей помогать? Почему Тоя не мог остаться здесь, чтобы сверлить её глазами и орать на неё? «Эти губы, эти глаза... Хватит уже на него таращиться!» — она перевела взгляд обратно на свою аптечку и начала ковыряться в ней в поисках аспирина, который у неё там обычно хранился. Вскоре у неё на ладони было несколько маленьких таблеток.

Шинбей смотрел на неё, как заколдованный. Она ещё не попыталась кастрировать его — значит, ничего не вспомнила. «Что у неё с памятью?» — вздохнул он про себя.

Она вновь посмотрела на него, их взгляды пересеклись, и это на мгновение умертвило её мозг.

— Дашь запить? Пожалуйста. Ты даже не представляешь, какая это гадость без воды.

Шинбей совершенно растерялся, глядя, как она произносит эти слова. Её губы так и манили к себе... Он мог бы просто... Он наклонился... и увидел таблетки аспирина у неё на ладони. Соберись!

— Да, на них даже смотреть противно, — сказал он, разглядывая таблетки, хотя и не имел ни малейшего представления о том, что это такое. Дверь внезапно распахнулась, и он с виноватым видом оглянулся. Зуки и Камуи вошли с кувшином воды.

Зуки устало посмотрела на Шинбея.

— Что это ты задумал, хранитель?

Шинбей отошёл в сторону. Не прочитала ли Зуки тайком его мысли? У неё было необъяснимое чутьё на его проделки... По крайней мере, она могла что-то подозревать.

— Ох, Зуки, налей мне, пожалуйста, воды поскорее. Чем раньше я приму это лекарство, тем скорее мне полегчает, — попросила Киоко, зная, что Шинбей не сделал ничего плохого.

«Киоко спешит на помощь!» — порадовался про себя Шинбей.

Зуки налила немного воды в чашку и затрещала о том, как Тоя не давал никому покоя из-за того, что Киоко не вернулась вчера днём.

Шинбей прислонился к стене, наблюдая за Киоко и вполуха слушая разговор. «...Если бы он ещё хоть раз на меня крикнул, я бы тогда...» Подхватил бы тебя на руки и зацеловал бы до беспамятства. «...Это какой-то чванливый грубиян...» Как же я хочу тебя, Киоко. «...А как он относится...» Шинбей заволновался. Как долго он сможет держать это в тайне, после того как овладел ей?

— ...Разве не так, Шинбей?

«А? Меня о чём-то спросили?» — Шинбей переводил взгляд с Зуки на Киоко, а они обе смотрели на него в ожидании ответа.

Не понимая, о чём шла речь, он выбрал безопасный ответ:

— Ну, да. Думаю, ты абсолютно права, Зуки. Если вы не против, мне нужно поговорить с Тоей, — с этими словами он быстро выскочил за дверь.

Когда дверь за ним захлопнулась, обе девушки захихикали.

Шинбей вышел из небольшой постройки и тут же прислонился к забору. Он поместил свою голову напротив прохладной доски и взялся за неё обеими руками, после чего как следует приложился к ней головой. Обычно боль помогала ему привести мысли в порядок. Просто этим утром она действовала медленнее. После той ночи он не мог вернуть чувства под свой контроль. Сейчас всё становилось только хуже.

Он не стал приставать к Зуки, чтобы получить от неё тумаков, — только не после того, как ласкал тело Киоко. Он боялся, что больше никогда не сможет прикоснуться ни к кому кроме неё, не желая при этом оторвать собственную руку. Теперь у него есть избранница, которая об этом даже не подозревает.

Тоя стоял рядом в паре метров, наблюдая за братом и ощущая исходящую от него вину. Одной из привилегий хранителя были обострённые чувства в отношении соратников — своего рода детектор лжи из мира Киоко. Он прищурился.

— Что ты натворил? Опять лапал Зуки? — Тоя нахмурился на своего брата, когда тот вздрогнул от его голоса.

Шинбей испугался и покраснел, глядя тёмно-фиолетовыми глазами на Тоя, выпрямился и отошёл от стены.

— НЕТ! Я... ну, понимаешь... — Шинбей насупился от своей нерешительности. Он быстро заставил себя успокоиться и собраться с духом. — Я просто ушёл оттуда, чтобы не производить лишнего шума и не усугублять похмелье Киоко, — сказал он, придав своему голосу нотку мудрости в надежде на благоразумие Тои.

Тоя продолжил ворчать:

— Я всё ещё хочу знать, какого лешего она напилась. Вот прямо сейчас пойду и узнаю, — он попытался пройти мимо, но остановился, когда Шинбей крепко схватил его за руку. Тоя грозно взглянул на помешавшую ему руку, не понимая, что задумал его брат.

Шинбей заметил серебряные искорки, заплывавшие в золотистых глазах, и быстро отпустил его руку. Он пояснил уверенным голосом:

— На твоём месте я бы этого пока не делал, если, конечно, тебе не нравится валяться на полу, — он ловко спрятал свою усмешку, когда почувствовал, что Тоя помнит действие заклинание усмирения.

Тоя задумчиво посмотрел на брата, повернулся спиной к двери и пробормотал:

— Ей надо было думать головой и не доводить себя до такого состояния, — он внезапно скривился и схватился за голову, куда Зуки треснула его рукояткой клинка, когда вышла из-за двери за его спиной.

— Ай, за что?! — Тоя свирепо посмотрел на неё.

В глазах Зуки читалось: «Сам знаешь, за что».

— Не будь таким нудным, — она смотрела прямо на него, зная, что Тоя её никогда не тронет. — Киоко рассказала мне, что случилось прошлой ночью.

Вся жизнь Шинбея пронеслась у него перед глазами. Он затаил дыхание, готовясь принять смерть от рук Тои.

Зуки продолжила:

— Её друзья по ту сторону Сердца Времени взяли её на сборище, где был алкоголь, — она сделала театральную паузу. — Она ничего не пила. Вместо этого она решила полакомиться фруктами и только потом поняла, что они были пропитаны чем-то крепким, — её губы дёрнулись. — Но к тому времени она уже опьянела.

Тоя буркнул и отвернулся, собираясь войти внутрь и наорать на неё за такую глупость, но вновь получил оглушающий удар от Зуки.

— Оставь её в покое. Она как раз опять уснула. И она вряд ли сегодня сможет куда-либо идти. Поэтому я предлагаю оставить её отдыхать здесь. Один день мы можем поискать талисман и без неё.

Она повернулась, чтобы взглянуть на Шинбея, не понимая, почему он так странно себя ведёт. Обычно он попытался бы её облапать с десятков раз ещё до полудня.

— Шинбей, как у тебя самочувствие с утра? — она сделала шаг вперёд и посмотрела ему в глаза, которые сегодня особенно выделялись на фоне его бледного лица.

Шинбей вернулся к жизни, когда заметил приближение Зуки. Он тут же сделал шаг назад, и только потом до него дошло, что она сказала. Он тихо вздохнул, покачивая головой.

— Не очень, Зуки. Мне что-то нездоровится, — он даже не пытался ничего симулировать, так как с учётом всего пережитого за ночь он думал, что сходит с ума.

Тоя повёл носом в сторону брата.

— Ага, дерьмово выглядишь. Может быть, лучше оставить тебя здесь присматривать за Киоко, — он посмотрел с прищуром на аметистового стража. — Но если тронешь её, она мне всё расскажет, — убедившись в том, что его предупреждение услышано и понято, Тоя повернулся к Зуки. — Хочешь сама сходить за Камуи или лучше мне? — спросил он, опасаясь, что она снова стукнет его по голове.

Зуки пожала плечами:

— Я схожу за ним. А ты... — она ткнула ему пальцем в грудь, — оставайся здесь.

Шинбей подавил смех, стараясь не забывать о том, что он якобы болен. Как ему это удалось? Сам будучи хранителем, Тоя должен был знать, что они не болеют... по крайней мере, о таких случаях ему не было известно. И всё же... сама идея остаться рядом с Киоко, провести с ней наедине целый день... такое искушение он может и не выдержать.

Шинбей наблюдал за тем, как Тоя сверлит взглядом спину Зуки, которая отправилась за Камуи, но остался снаружи. Через пару минут к ним присоединился Каэн и взглянул на Киоко через приоткрытую дверь. Шинбей знал, что Каэн в случае чего всегда будет рядом с Камуи. Хранитель хранителя, как он иногда дразнил своего младшего брата.

Шинбей наблюдал за группой, пока та не скрылась из вида. Впервые за утро он почувствовал, как его тело и разум расслабились. Он вздохнул и вернулся в хижину, где спала Киоко.

Киоко ворочалась в своём полусне. Её разум вернулся к прошедшей ночи. Тогда на вечеринке она просто хотела провести жалкие крохи свободного времени в своём мире с Тацуки. Она безумно по нему скучала, потому что этот мир отнимал у неё слишком много времени. Она так увлеклась разговором с ним, что даже не заметила подозрительный вкус фруктов, пока не стало слишком поздно. Она надула губы, пытаясь понять, знал ли об этом Тацуки всё это время.

Она мало что помнила из того, как вернулась к святилищу Девы и как в итоге оказалась в хижине. Однако кое-что из своего сна она всё же запомнила... Шинбей. Киоко то погружалась в сон, то выходила из него, а ход её мыслей продолжался, несмотря на текущее состояние.

Ей всегда нравился Шинбей, потому что из всех хранителей общаться с ним было интереснее всего. Он мог всегда рассмешить её, не прилагая к этому ни малейших усилий. Однако он не был похож на того, кто мог бы провести всю жизнь с одной женщиной. С этим у него были очевидные проблемы. Однако с недавних пор она начала видеть его в ином свете.

Киоко заворочалась во сне. Это несправедливо. Она всем сердцем любила Тоя, но он крайне редко проявлял свою любовь к ней. Зато Шинбей, наоборот, был совершенно другим. Когда Тоя орал на неё по поводу и без, Шинбей всегда старался её утешить.

Казалось, что чем хуже вёл себя Тоя, тем любезнее становился Шинбей, однако действовал он всегда только по-дружески. Иногда она задумывалась о нём, и от этого, наверное, начала видеть его во сне. Раньше её сны были вполне целомудренными, но прошлой ночью они внезапно вышли из-под контроля.

Она знала, что Тоя её по-своему любит и, скорее всего, готов отдать за неё жизнь, однако не хочет раскрывать перед ней свои истинные чувства. Она знала, что его можно легко вывести из себя, а его хозяйское отношение к ней было призвано скрыть трепетную заботу. Иногда он настолько хорошо скрывал свои чувства, что она практически верила ему. В итоге она поймала себя на том, что сравнивает двух мужчин. Тоя и Шинбей всегда были рядом, и у обоих хранителей были свои сильные и слабые стороны.

Когда ей снилось, как её целует Тоя, это всегда было нежно и сладко, лишь иногда прибавляя в страсти. С Шинбеем всё всегда было по-другому. Совершенно иначе. Она чувствовала себя женщиной, когда ей снился Шинбей. В тех снах он целовал её в самые невообразимые места, и делал с её телом такое... Она и не думала, что это может доставлять столько удовольствия.

Она вздохнула во сне. Но то были просто сны... Киоко свернулась калачиком и задрожала от воспоминаний о сне из прошлой ночи. Её тело содрогалось под ним, когда он занимался с ней безумной и страстной любовью... она застонала от этого воспоминания. Такие сны о Шинбее практически заставляли её думать о том, что она изменяет Тое.

«Нет! — сказала она сама себе. — Тоя никогда не был моим мужчиной. Следовательно, я свободна. И если всё происходит только в моей голове, я могу думать, о чём хочу... и видеть какие угодно сны».

Тот сон был настолько ярким, что когда она проснулась, она почувствовала, как будто вот-вот растает. Когда она увидела его сидящим возле стены, как ни в чём не бывало, одного этого было достаточно, чтобы понять, что это был просто сон. Что творилось в её голове? Ей нужно было сосредоточиться. Шинбей никогда бы не смог полюбить такую неопытную девушку, как она. Очевидно, что бывалый воин, который наверняка мог завоевать больше жен-

щин за одну ночь, чем было пальцев у неё на обеих руках. Она крепко зажмурилась, отказываясь думать иначе.

Шинбей вернулся в хижину расслабленным и спокойным... пока его взор не упал на её спящий силуэт. Он застыл на месте, и он просто разглядывал её несколько минут. Он видел, как она дрожит на тонкой подстилке. Почему при ней не было покрывала, которым он укрыл её той ночью? Он посмотрел в ту сторону, куда она отбросила мешавшее ей покрывало, когда разбиралась с Тоей.

Он тихо прокрался туда, накрыл её тёплым одеялом и остался рядом, наблюдая за её беспокойным сном. «Откуда вообще взялись все эти чувства?» — он вздохнул и присел, прислонившись к стене и наблюдая за ней. Он знал ответ: «Тот самый Шинбей, которого все считали простофилей, когда дело касалось женщин, влюбился в девушку из иного времени».

Он посмотрел на неё с тоской и сжал губы. Она убьёт его, когда поймёт, что это было не во сне. Тоя также его убьёт. Возможно ли умереть дважды за такое преступление?

Опустив плечи, Шинбей снова вздохнул. «Ага... кстати, о Тое». Киоко была влюблена в его вспыльчивого брата. Он чувствовал, как по спине проползло чувство вины. «Почему ей нужно было влюбиться именно в того, кто обращается с ней неправильно?» Он был готов отдать ей всю свою любовь. Подумаешь, какое-то там проклятие. Ничего особенного в нём нет. Киоко ведь рассказывала им о своём дедушке и его сказках о проклятиях и демонах. «Чёрт возьми, Тоя».

Киоко забормотала во сне. Он посмотрел на неё и увидел, что она повернулась к нему спиной, и одеяло, которым он её укрыл, соскользнуло. Её и без того короткая юбка задралась, обнажив самое интимное. Дрожь пробежала по его телу. «Какое же... искушение».

Он протянул руку, чтобы убрать с дороги последнюю полоску белой шелковистой ткани, загораживающую обзор. Он стиснул зубы и успел убрать руку прежде, чем его пальцы вступили с ней в контакт. «Ах, как близко. Как и сама смерть, а пожить ещё хотелось бы». Он выдавил из себя смешок и спрятал руки под плащом. Отныне ему придётся следить за каждым своим движением, иначе его жизнь преждевременно оборвётся.

Он бы выложил ей всю правду в ту же минуту, если бы она не была влюблена в его брата. Он знал, что не был одинок в своих чувствах к ней. Она была их жрицей, и они защищали её ценой своих жизней. Все его братья горячо любили её, каждый по-своему. Но Тоя был другим. Он ни к кому и никогда не проявлял симпатии. Шинбей понимал это. Тоя был глубоко влюблён в Киоко, даже если не мог в этом сознаться самому себе.

Шинбей закрыл глаза, чувствуя разгорающееся в них пламя. У него не было права любить Киоко, да и кого бы то ни было ещё. Он обладал способностью спасти всех на поле боя. Для этого ему нужно было просто прочесть заклинание времени и создать пустоту, которая засасывает в себя всё, что встаёт у неё на пути. Это было его самой большой силой и в то же время злейшим врагом. Каждый раз при использовании этого опасного заклинания он чувствовал, как оно становится всё сильнее.

Его попросили использовать заклинание только в самом крайнем случае, потому что однажды оно станет настолько сильным, что обернётся против него. Заклинание досталось ему в подарок от дяди... того самого, который был их врагом. Поначалу он считал его бесценным даром, но сейчас начал понимать, что это вовсе и не дар. Это проклятие. И с его помощью он собирался уничтожить того, кто наделил его им... даже если при этом Шинбею придётся пожертвовать собственной жизнью.

Шинбей зевнул. Он почти не спал прошлой ночью — ни до, ни после возвращения Киоко. Он провёл большую часть вечера, слушая ворчание Тои из-за того, что она не вернулась через Сердце Времени до наступления темноты, как обещала.

Поначалу Шинбей беспокоился о том, что она всё ещё сердится на Тою и решила не возвращаться. Она накричала на него перед уходом, потому что он пытался не дать ей вернуться в

свое время. Тоя даже встал у неё на пути и не давал подойти к святилищу Девы. В конце концов, ей пришлось наложить на него заклинание несколько раз — больше, чем Шинбей смог сосчитать. Однако при этом она пообещала вернуться на следующий день до наступления темноты.

Шинбей ухмыльнулся, вспомнив о том, как Тоя боролся с заклинанием, описывая то, что сделает с Киоко, когда сможет снова двигаться.

Его взгляд вновь переместился на очертания Киоко. Вот почему он считал её неотразимой. Она могла злиться на Тою в одну минуту, а в другую — любить его. Она не держала обид независимо от того, сколько боли он ей причинял.

Когда Тоя впервые встретил её, он попытался её убить. Теперь всё изменилось. Все знали, что Тоя любит её до смерти и готов даже умереть за неё. Однако он всё равно притворялся, что терпеть её не может, и это часто ранило её чувства. Таким способом Тоя прятал от неё своё сердце.

Шинбей взялся пальцами за переносицу, пытаясь избавиться от ненужных мыслей. Если честно, он переживал за Тою и не думал о нём плохо. Просто у Тои был отличный шанс с Киоко, который тот игнорировал.

Он бы умер за такой шанс. Он бы обращался с ней, как с королевой, если бы она ему это позволила. По этой причине он и утратил контроль над собой прошлой ночью. По правде говоря, он просто сломался. Теперь, после той ночи... Шинбей крепко зажмурился. Может быть, ей будет лучше с Тоей, судя по тому, как Шинбей предал её невинность.

Шинбей вздрогнул от того, что Киоко вновь заворочалась во сне, полностью обнажив бедро. Он рассматривал её нежную кожу, и его руки задрожали под плащом. «Ну почему у неё такая красивая кожа?» Наблюдая за метаниями Киоко, он чувствовал, что и к нему подкрадывается сон. Он подкрался к ней на четвереньках, не спуская глаз с её затылка. Он знал, что если подобрётся ближе, она перевернётся и вlepит ему пощёчину.

Пока всё было хорошо. Он склонился над ней, чтобы посмотреть на её лицо. Шинбей скривился. От неё всё ещё пахло спиртным.

«Как будто ночью это меня остановило» — ухмыльнулся он.

Прядь каштановых волос покоилась на её плече. Он плавно опустил руку и убрал прядь в сторону с мягким вздохом и лёг рядом с ней, уткнувшись носом в её шелковистые локоны. Он не смел подобраться её ближе под страхом смерти, но пока она спит, он мог хотя бы посторожить её сон. Он примирился с собой.

Если она проснётся и обнаружит его рядом, он может просто объяснить, что очень устал, а прилечь больше нeгде... заодно он присматривает за ней. Он бы с радостью принял пощёчину за это. Оно того стоило за возможность полежать рядом с ней несколько часов и просто отдохнуть. Он был слишком измотан, чтобы беспокоиться о последствиях, и его веки сомкнулись. Он был там, где хотел, поэтому к чёрту последствия.

Киоко сонно застонала и перевернулась на другой бок, чувствуя рядом тепло. Она при-тянула руки под подбородок и потянулась в ту сторону. Затем она наклонила голову и упёрлась во что-то твёрдое. Она вздохнула, решив, что ей опять что-то снится. Чтобы проверить эту теорию, она положила руку на источник тепла.

Да, что-то очень твёрдое. В своём сне она подвинулась ближе, тепло охватило её вокруг талии. Она чувствовала аромат чая с жасмином и ещё какой-то древесно-земляной запах.

«Почему я не могу выкинуть его из головы? От него очень вкусно пахло».

Она вспомнила, когда он впервые держал её на руках. Он думал, что спасает её. Она улыбнулась во сне. Он был очень силен, и его беспокойство за её жизнь умиляло, даже если его помыслы были не совсем чистыми. Тогда она впервые заметила, как приятно от него пахнет.

Это воспоминание вызвало в ней дрожь, и давление вокруг её талии усилилось. Она медленно обхватила рукой источник тепла и замерла, когда услышала отчётливое шуршание ткани.

«Что? Шуршание ткани? Сны ведь так не шуршат?»

Киоко резко проснулась. Она с трудом открыла один глаз и смотрела в замешательстве на синевато-серый плащ, в котором запутались её руки. И она... взвилась вверх подобно ракете, откинув в сторону его руку. А он... он со стоном перевернулся на спину.

Киоко охватила паника, и она начала озираться по сторонам. Здесь больше никого не было, и это уже точно не было сном. Шинбей спал рядом на её подстилке. Она начала думать. Что же, что же здесь происходит? Она смотрела на него, замерев на месте.

«Это же просто сон, правда? Соберись, Киоко, — судорожно думала она. Где Тоя? Зуки? Камуи? Каэн? Куда все подевались?»

Она чуть не выпрыгнула из кожи, когда Шинбей простонал во сне и засунул руки под свой плащ. Когда она вскочила, она сбросила с себя одеяло. Киоко заморгала и виновато покраснела. «Ему стало холодно». Ей тоже стало холодно стоять. Она вспомнила, как замерзала во сне.

Неужели именно поэтому он лёг рядом с ней? Чтобы согреть её? Её румянец стал ещё сильнее. «О-о, как мило, — она покачала головой из стороны в сторону. Нет, нет, нет! О чём это я думаю? Ничего милого, ничего милого, — она вздохнула, тепло улыбаясь ему. — Я сдаюсь».

Она медленно и осторожно нагнулась, схватила одеяло и застыла на месте, когда он внезапно пошевелился во сне. Она ждала, что он вот-вот проснётся, но этого не произошло. Тогда она быстро набросила на него одеяло, схватила свой рюкзак и выскочила за дверь.

Шинбей приоткрыл один глаз, наблюдая за её бегством. Когда она скрылась из вида, он засмеялся про себя: «Опять пронесло». Затем он нахмурился, не понимая, почему у него не было ни отпечатка оплеухи на щеке, ни трещины в черепе. Он медленно поднялся, досчитал до десяти и пошёл посмотреть, куда убежала Киоко.

Оказавшись снаружи, Киоко прислонилась к ближайшему дереву, осознавая, что уж лучше бы она осталась в своей постели. Её сердце колотилось, а во всём теле пульсировала боль. Она наклонилась, чтобы помассировать ноги. Она вспомнила, как прошлой ночью танцевала с Тацуки, после того как отведала запретный плод, но, судя по ощущениям, она на самом деле попала под грузовик. Долгое купание в горячем источнике сняло бы все мышечные спазмы.

Она вновь отметила для себя *никогда* не есть фрукты на вечеринках. Затем её поразила одна мысль. Тоя почует запах Шинбея на её одежде. Ах! Ей вовсе не хотелось навлекать неприятности на ни в чём не повинного Шинбея. Она побрела в сторону от хижины, по-прежнему ощущая муки похмелья, но теперь помимо своего тела ей нужно было позаботиться ещё и об одежде.

Тоя издал низкий рык, осматривая деревню, в которую они пришли. Он стиснул зубы, зная, что ничем помочь уже нельзя. Деревня была опустошена. Казалось, что в последнее время все их действия были на шаг позади Хякухэя и его демонов. Он понуро осматривал деревню в поисках выживших.

— Должно быть, здесь был спрятан осколок талисмана, иначе он бы не стал уничтожать всю деревню, — золотистые глаза Тои помрачнели от беспокойства.

— Нам нужно помочь им, — тихо сказала Зуки. Они в паре с Камуи обошли деревню. Она нагнулась к плачущему ребёнку, который, похоже, остался здесь совсем один.

На мгновение Тоя закрыл глаза от этой знакомой до боли сцены, заставлявшей кипеть его кровь. Он знал, что у Хякухэя были почти все части талисман, и он готов причинить страдания кому угодно, лишь бы восстановить Кристалл. В конце концов, Хякухэй убил даже собственного брата. Теперь хранители пытались уберечь Киоко от этого убийцы.

Если Хякухэй преуспее и соберёт все осколки Кристалла, он сможет проникнуть в мир Киоко и взять с собой орду демонов. Этого нельзя было допустить. Он почувствовал, как холод пробежал по его спине и заподозрил неладное.

«Киоко» — это имя отозвалось эхом в его голове подобно предупреждению.

— Вы двое, оставайтесь здесь и помогите, чем сможете. Мне нужно срочно вернуться к Киоко! — прокричал Тоя, побежав туда, откуда они пришли. Он знал, что что-то не так... Он чувствовал это в глубине души. Ему никогда не следовало оставлять её без своей защиты, особенно с учётом близости демонов Хякухэя. Он не мог избавиться от страха потерять вторую половину своего сердца.

— Я не позволю ему прикоснуться к тебе, — поклялся Тоя в своей безоглядной гонке, чтобы добраться до Киоко, опередив опасность.

Глава 3. Поцелуй ревности

Киоко направилась к горячему источнику. Она испытывала усталость и боль, и ей не терпелось наконец-то расслабиться в испускающей пар воде. Она споткнулась о камень и начала вслух размышлять, сколько недель ей потребуется на то, чтобы вернуть себе чувство равновесия из-за одной единственной пьянки.

— Ну, блин... Теперь я говорю, как Тоя, — подытожила она со смешком.

Шинбей тихо следовал за ней по пятам, периодически выглядывая из-за деревьев. Он едва сдержал смех, когда услышал её комментарий о том, что она говорит, как Тоя. Было приятно осознавать, что не он один в группе мог вести полноценные беседы с самим собой. Если это признак сумасшествия, из них вышла бы отличная пара. Он задержался на месте, чтобы позволить ей увеличить дистанцию между ними.

Добравшись, наконец, до уединённого горячего источника, Киоко порылась в своём рюкзаке. Найдя то, что нужно, она разложила купальные принадлежности возле воды, быстро разделась и с облегчением погрузила своё изнывающее тело в горячую воду.

— М-м-м, как хорошо...

Она закрыла глаза и помассировала ноги, пытаясь снять напряжение, которое всё никак не хотело уходить. Наконец, добившись своего, она откинулась на поверхность воды и полностью расслабилась.

Прислонившись к дереву Шинбей восхищённо наблюдал за её повседневным ритуалом. Она была грациозна и невинна... Внезапно он вновь ощутил приступ вины за свои действия, отвернулся и положил руку на сердце, которое защемило от боли.

Ему не следовало здесь находиться... Он поступил плохо. Она возненавидит его, когда поймёт, что он с ней сделал. Он согнулся от нарастающей тяжести в своём сердце, однако не смог устоять перед искушением обернуться и жадно понаблюдать за ней. Он тяжело вздохнул, когда она погрузилась в воду.

— Это намного лучше маленькой ванны у меня дома в современном мире, — нарушила тишину Киоко, оглядевшись по сторонам. Это было больше похоже на потайной бассейн — настолько это место было тихим и уединённым. Горячий источник окружали деревья и кусты, создавая для неё личное пространство. «Каменный уступ на той стороне отлично подойдёт для загара» — подумала она с улыбкой. Она начала напевать про себя от удовольствия, покачиваясь на воде.

Пролежав так какое-то время, она решила всё же приступить к гигиенической части. Она намылила волосы и нырнула под воду, чтобы ополоснуть их, а затем резко вынырнула, подняв море брызг, и повторила процедуру. После этого, не выходя из воды, она тщательно постирала одежду в надежде на то, что солнце быстро её высушит.

Подкравшись поближе и скрывшись в кустах неподалёку, Шинбей неотрывно наблюдал за ней, как будто впитывая глазами все изгибы её тела. Боги, как же она хороша... как богиня, появившаяся из источника. Одно полотенце она повязала на груди, другой — на волосах, а потом, не торопясь, высушила своё тело.

Он и раньше тайком наблюдал за её купаниями, но никогда не задерживался достаточно долго, чтобы насладиться этим моментом. Обычно кто-то начинал его искать раньше, чем она успевала закончить. Он вздохнул, когда она медленно провела полотенцем по своим длинным ногам. Боль заставила его стиснуть зубы, пока она надевала те небольшие предметы одежды, прикрывавшие её самые привлекательные места. Он едва сдерживался, чтобы не преодолеть эти несколько метров и не предстать перед ней.

С противоположной стороны источника донёсся какой-то хруст. Шинбей услышал его, как и Киоко, тут же застывшая на месте. Они оба вслушивались в ожидании новых звуков.

Хрустнула ещё одна ветка, на этот раз уже в кусте ближе к Киоко. Он смотрел в ужасе, как Киоко направилась в сторону куста, выставив перед собой полотенце, как щит, и выкрикнула:

— Попался, Шинбей! Я знаю, что это ты! Выходи... чтобы я могла дать тебе по морде! — Киоко замерла в ожидании, напряжённо всматриваясь в кусты. Нездоровое любопытство Шинбея было известно всем. Она раздражённо нахмурилась. Они были здесь одни, так что... Куст слегка заколыхался. — Я знаю, что ты там, а когда Тоя узнает, что ты за мной подглядываешь, он наверняка тебя убьёт. Это не говоря уже о том, что тебе как следует влетит от Зуки.

Куст снова заколыхался, и из спутанных ветвей показалась длинная, чёрная, остроконечная нога.

— Что за?.. — Киоко обратилась в бегство при виде очень большого демонического скорпиона, вышедшего из подлеска. Она побежала к своей одежде. Там же, в сумке, лежал её арбалет.

— Киоко! Пригнись! — Шинбей выскочил из противоположных кустов с большой палкой, которую он использовал в роли импровизированного копья, метнув её в демона. Красноглазый скорпион успел среагировать и взмахнул одной из своих ног, отбив оружие, которое отлетело далеко в сторону и воткнулось в землю у ног Киоко как раз тогда, когда она нагнулась за арбалетом. Её бровь дёрнулась, когда она поняла, что копьё едва не поразило её.

Шинбей подбежал к ней и нагнулся, чтобы выдернуть палку. Поведя бровью, он посмотрел на Киоко и криво усмехнулся.

— Сдаётся мне, Киоко, ты недостаточно одета для сражений с демонами, — его улыбка расширилась при взгляде на её лицо. Но вдруг на нём отразился чистый ужас.

Ощущая холодок, пробежавший по хребту, Шинбей обернулся и начал яростно размахивать своим оружием перед собравшимся прыгнуть на них скорпионом. Он смог попасть по одной из волосатых ног, но другая ударила его в бок, отбросив в сторону от Киоко. Кровь Шинбея застыла в жилах, когда смертоносный скорпион начал подбираться к жрице.

Он знал, что одержимое демоном существо чувствовало силу внутри неё. Понимая, что нужно срочно что-то предпринять, он использовал свой телекинез, чтобы поднять приличных размеров камень и запустить его в демона. Он усмехнулся, когда камень угодил скорпиону прямо в голову.

Демон взвизгнул и посмотрел в сторону раненого стража. Шинбей лежал на земле, пытаясь встать, а демон вновь набросился на него. Шинбей откатился в сторону как раз вовремя и успел выставить перед собой острый конец палки в сторону обрушившегося на него скорпиона. Аметистовые глаза Шинбея засияли, когда он прошептал заклинание, размягчившее жёсткий панцирь чудовища.

Киоко в панике выкрикнула имя Шинбея, видя, как демон обрушился на него. Всё произошло так быстро, что она не успела даже моргнуть. В один момент демон прыгнул на него, а в другой из его спины уже торчал конец копья, и чёрная кровь начала пропитывать землю. Она смотрела, как одержимый скорпион дёрнулся, обмяк и рухнул, придавив Шинбея всем своим весом.

— Шинбей! — закричала Киоко в панике. Она подбежала к нему, увидела лужу крови, расплзающуюся по кругу. Она мысленно скривилась в надежде на то, что ни одна капля этой крови не принадлежит её хранителю, но из-за распластавшейся на нём твари это было сложно определить. Из-под неё можно было разглядеть лишь одну сторону лица Шинбея. Его глаза были закрыты, и на мгновение её сердце остановилось от охватившего её страха.

Шинбей чувствовал, что Киоко всё ещё была в ужасе, и что он должен уничтожить то, что напугало её. Борясь с болью, он открыл глаза и увидел, как она склонилась над ним, бледная как привидение. Он понял, что она испугалась за него, и его сердце забило в груди. Он почувствовал тепло, распространяющееся по жилам, когда её страх развеялся от осознания того, что он жив.

— Киоко, пожалуйста, помоги мне... сдвинуть его, — он попытался вылезти из-под мёртвого зверя, но его руки были зажаты между его телом и трупом демона. Даже в состоянии одержимости безмозглый демон не должен столько весить и не должен так яростно сражаться. Шинбей ощутил присутствие осколка Кристалла. — Киоко, он использовал силу талисмана... найди его.

Киоко перестала толкать гигантское существо, пытаясь сосредоточиться своей силой и просканировать тело. Когда Кристалл Сердца Хранителя разбился и осыпал дождём из осколков демоническое царство, демоны всех мастей ринулись искать могущественные осколки. Когда-то этот скорпион был маленьким, пока ему не повезло стать одержимым демоном и найти один из недостающих осколков, чтобы получить огромную прибавку к силе.

— Вон там! — воскликнула она, заметив голубоватое электрическое свечение в шее чудовища. Сдерживая рвотные позывы, Киоко заглянула в его раскрытую пасть. С гримасой отвращения на лице она пошарила рукой у него в глотке, схватила кристалл и вытащила его. Скорпион начал уменьшаться в размерах прямо на глазах. Она быстро спихнула его в сторону, чтобы Шинбей наконец-то смог выбраться из-под него. Вскоре скорпион уменьшился настолько, что поместился бы у неё на ладони.

Киоко смотрела на Шинбея сверху вниз. Его длинные иссиня-чёрные волосы скрывали лицо, но, судя по его движениям, он судорожно пытался восстановить дыхание. Её взгляд забегал по его телу в поисках ран. У него в боку было обильное кровотечение от удара острой конечной ноги демона. Она оглянулась по сторонам, чтобы найти средство для оказания первой помощи, и побежала к полотенцу, чтобы хотя бы прижать его к ране.

Шинбей сел и с отвращением посмотрел на маленькое мёртвое насекомое. Приложив ладонь к рассечённому боку, он вновь перевёл взгляд на Киоко и молча наблюдал, как она бежит за полотенцем, брошенным в пылу сражения. Он любовался её телом, совершенно забыв о терзавшей его боли.

«Она забыла, что всё ещё раздета, — подумал он. — Что ж, лишний раз напоминать ей я не буду». — Он попытался сохранить спокойное выражение лица, когда она вернулась с полотенцем.

Киоко присела рядом с Шинбеем и потянула за край плаща, пытаясь увидеть рану.

— Шинбей, ты можешь это снять? — она потеряла ткань. — Мне нужно посмотреть, откуда течёт вся эта кровь.

Она запыхалась, и её голос ласкал его уши. Он звучал почти соблазнительно. Шинбей был поражён тем, насколько она переживает за него, и даже забыл пофантазировать над её фразой о том, что ему нужно раздеться.

Шинбей освободился от своего длинного плаща и расстегнул рубашку цвета голубого льда под ним. Она упала с его плеч и соскользнула дальше по рукам, образовав «лужу» вокруг него и обнажив его грудь и дразнящие мышцы пресса перед ней, а также рваную рану около тазобедренного сустава. Он опустил руку и сдвинул вниз штаны на несколько сантиметров, чтобы она могла лучше разглядеть рану, но оставил другую руку в районе паха, чтобы скрыть признаки своей эрекции.

Киоко слотнула, пытаясь сосредоточиться на ране, а не на том, что её окружало. Положив руку на его обнажённую кожу, чтобы удержать равновесие, она с силой прижала белую ткань к ране, наблюдая за тем, как она становится алой. Его мышцы дёрнулись под её ладонью, и тепло волной поднялось по её руке. Взгляд её испуганных изумрудных глаз встретился с его аметистовым взором.

Он заметил, как по её щекам разливается румянец. Их взгляды пересеклись, и он задумался над этим, ощущая жар от собственной плоти там, где её нежная рука касалась его кожи.

— Всё хорошо, Киоко? — Он увидел, как она едва заметно кивнула в ответ, снова переводя взгляд на полотенце и убрав его, чтобы посмотреть, остановилось ли кровотечение. Увидев, что полотенце помогло, она отошла, чтобы намочить его и убрать остатки крови.

Шинбей посмотрел вниз, думая про себя: «Неудивительно, что кровь остановилась — она вся ушла в другое место». — Он вздохнул, быстро избавившись от этой мысли до её возвращения. Она встала перед ним на колени, дав ему возможность в очередной раз насладиться видом её груди в лифчике. Его томный аметистовый взгляд быстро переметнулся на её лицо. Он знал, что ей придётся набросить на себя что-нибудь, чтобы он мог достойно продержаться.

Киоко медленно вытирала кровь с его кожи, стараясь действовать очень и очень осторожно, когда услышала, как он произносит её имя сухим, натянутым голосом. Она приостановилась и наклонилась к нему так низко, что оказалась с ним практически лицом к лицу. Его глаза вспыхнули, и кроме него в этом мире как будто больше никого не существовало. Её взгляд медленно опустился на его губы, и никто из них не проронил ни слова.

Шинбей смотрел, как раскрываются её губы, и его тело начало действовать против его воли, когда он сократил последнее расстояние между ними. Он провёл своими губами по её губам в лёгком как пёрышко поцелуе, который был лишь затишьем перед бурей... Его дыхание обожгло её щеку. Внезапно что-то красно-чёрное резко ударило Шинбея, и боль пронзила его рану, которая только начала заживать под действием сил хранителя.

Шинбея оттащил в сторону и треснул о землю разъярённый Тоя, который теперь стоял над ним, целясь одним из своих кинжалов ему в горло.

— Как ты посмел поцеловать Киоко, ублюдок? — закричал Тоя, дрожа от злобы. Вид Шинбея, целующего Киоко, навсегда отпечатался у него в памяти. — Я оставил её под твоим присмотром, а ты решил совратить её? — продолжил он в ярости.

Аметистовые глаза Шинбея стали тёмно-фиолетовыми.

Киоко вскочила между ними спиной к Шинбею, как будто защищая его. Сверля глазами Тоя, она властно произнесла:

— Даже не смей! — она выбросила руку вперёд в защитном жесте. — Это не то, о чём ты подумал, Тоя.

Тоя с животным ворчанием опустил свой кинжал.

— Ну конечно! А с чего ты тогда голая? — В качестве аргумента его серебряные глаза опустились на её неприкрытую кожу.

Мир Киоко перевернулся, и она поняла, что для богов это отличный повод посмеяться над ней, поэтому замерла на месте. Внезапно она почувствовала дуновение ветра на своей голой коже и одновременно с этим ощутила, как глаза Тои обжигают её. Её руки повисли вдоль тела, и она начала озиаться в поисках своей одежды, которая лежала неподалёку на камне и уже полностью высохла.

Снова направив взгляд на Тоя, она прошипела:

— На меня напали, а Шинбей спас мне жизнь. Я помогала ему, потому что он получил ранение, защищая меня. Ну, поцеловала и что с того? Это в знак благодарности! — Она хотела отойти от них и одеться, но передумала, когда Тоя вновь приставил кинжал к горлу Шинбея.

— Ты выпросил у неё поцелуй в награду за спасение? Проклятый извращенец! — прорычал Тоя, ещё более разозлившись на хранителя. Затем одним быстрым рывком он схватил Киоко под руку и потащил за собой, подальше от брата.

Глаза Шинбея злобно сверкнули из-за того, как Тоя обращался с Киоко.

— Убери нож, Тоя. — Слова Шинбея превратились в лёд. Он встал и отряхнул штаны, по-прежнему с голым торсом. Он был выше ростом и угрожающе возвышался над Тоей, готовясь наброситься на него. Его можно было назвать кем угодно... но не трусом.

Киоко сделала полукруг и вновь встала между двумя братьями. Её грудь случайно задела грудь Тои и в то же время её спина соприкоснулась с горячей кожей Шинбея, потому что они уже начали угрожающе сокращать дистанцию между собой. Её бровь нервно задёргалась.

— Я поцеловала его. Он об этом не просил. А теперь уйдите оба отсюда и дайте мне одеться, — она посмотрела вверх в поисках серебряного взгляда Тои и сделала свой голос почти умоляющим. — Всё и так плохо. Не надо делать ещё хуже.

Не оборачиваясь, она почувствовала, как отступил Шинбей, и поняла, что он одевается. Она слышала шуршание одежды, которую он надевал на себя резкими движениями. Зная, что лучше не оборачиваться, она не спускала глаз с Тои, желая проверить, не осталось ли у него намерений напасть на Шинбея. Она почти выдохнула с облегчением, когда услышала удаляющиеся шаги Шинбея, покинувшего её сторону источника.

Тоя не обратил внимания на уход Шинбея. В тот момент он ещё растерянно глядел в глаза Киоко. «Она поцеловала Шинбея? Зачем?» Она прикоснулась к его руке, но он тут же развернулся и сделал шаг вперёд, спиной к ней.

— Одевайся. Но одну я тебя больше не оставлю. Я останусь здесь, пока ты не будешь готова уйти. — Тон его голоса по-прежнему выдавал бурлившую в нём ярость.

Киоко фыркнула и быстро подошла к своей одежде и так же быстро оделась. Закончив, она повернулась в сторону его напряжённой спины и прошла мимо него, готовясь вернуться в хижину, но он схватил её за руку и развернул лицом к себе.

Тоя просто хотел знать, зачем она поцеловала Шинбея именно таким образом? Его тёмные локоны наклонились вперёд, прикрыв его золотистые глаза.

— Зачем ты его поцеловала? — прошептал он. Его волосы развевались на ветру, от чего серебряные блики в его глазах привлекательно заиграли.

Киоко нахмурилась, не зная, что ответить. По правде говоря, ей, наверное, просто так захотелось, но она не могла ему в этом признаться. Она вздохнула.

— Я ни о чём таком не думала, так что... сама не знаю зачем. — Она опустила взгляд. По сути это была правда.

Услышав ответ, Тоя почувствовал, как страх просачивается в его сердце. Он выпрямился и посмотрел прямо на неё, притягивая к себе её взгляд.

— Киоко, ты никогда не пыталась поцеловать меня... так, — выпалил он, не подумав.

Глаза Киоко сверкнули на него из-за того, что он поставил её в затруднительное положение, и она прокричала ему в ответ:

— Ты сам себя ведёшь так, как будто этого не хочешь! К тому же, у меня нет мужчины, поэтому я могу целоваться с кем угодно, понял? — Она выдернула руку из его хватки, игнорируя его ворчание, и пошла дальше, не понимая, с каких пор его это начало волновать.

На пути к хижине Киоко смотрела под ноги. Тоя привёл её в бешенство. Как он посмел разозлиться на неё и Шинбея из-за поцелуя? Какое ему, в общем-то, дело? Ему было наплевать на неё. Он никого не любит, тогда какая разница, с кем ей целоваться? Она распахнула дверь хижины и плюхнулась на свой спальный мешок, глубоко задумавшись.

Тоя потопал за ней.

— Чтобы я больше не видел, как ты целуешь Шинбея! — прорычал он, усевшись на другом краю комнаты от неё и прислонясь к стене.

Киоко с ненавистью смотрела на него, а её разум пытался осилить то, что он только что сказал или, если точнее, приказал. «Да как он смеет?!» Её изумрудные глаза начали метать искры.

— Я буду целовать, кого захочу и когда захочу! — С этими словами Киоко сердито вскочила на ноги, свернула спальный мешок, подобрала рюкзак и направилась к двери.

Тоя вскочил следом и поплёлся за ней с побитым видом.

— Куда это ты собралась, чёрт тебя дерит? — Он не хотел её прогонять её своим поведением. Ему просто не нравился тот факт, что Шинбей посмел прикоснуться к ней.

Киоко остановилась в дверном проёме, положив руку на косяк и стоя спиной к нему.

— Тоя, — сказала она вполоборота, вытянув руку в его сторону, а потом с ехидной ухмылкой прочитала заклинание усмирения, вложив в него всю свою злость, — заткнись!

Тоя рухнул на пол, изрыгая проклятия. Киоко перешагнула порог, прошла мимо Шинбея и пошла в сторону святилища Девы с намерением вернуться обратно домой.

Шинбей стоял спиной к хижине с лёгкой ухмылкой на лице. Он слышал, что сказала Киоко, и его ухмылка стала ещё шире, когда услышал, как Тоя упал на пол. Киоко не видела его на выходе, поэтому он проследовал за ней в лес.

Глава 4. Не уходи

Ближе к сердцу Сада Времён Киоко медленно села на траву перед статуей Девы, вглядываясь в её лицо. Она сосредоточилась на лице, которое, как она знала, было сделано по её образу. Это лицо принадлежало её прародительнице, в память о которой был воздвигнут этот монумент. Если бы они обе жили в это время, их можно было бы назвать близнецами.

Киоко отвергла эту мысль, вспомнив, зачем она в первую очередь сюда пришла. Её мысли начали сражаться друг с другом, как будто она перестала быть им хозяйкой.

«Какой же кретин этот Тоя!» Стоило только ей вернуться, как «он тут же начал орать» на неё. Иногда она просто... «Ненавидит его... Это, конечно, преувеличение». Киоко вздохнула: «Я не могу себе лгать. Я действительно люблю Тою, и когда нас никто не видит... он часто отвечает мне взаимностью». Киоко задумчиво прикрыла глаза. «А потом ему надо взять и всё просрать».

Она собиралась вернуться в свой мир и, возможно, никогда не возвращаться. Она вскочила с намерением приложить свои ладони к ладоням статуи, чтобы та отправила её домой.

«Но ты больше никогда не увидишь Шинбея, — её зрачки расширились, а разум закричал: — У тебя есть чувства к нему!..» «Бред какой-то, — заспорила она сама с собой. — У меня есть *какие-то* чувства из-за того, что он мне снится, и это ничего не значит». — Она отошла от статуи, неохотно опустила руку и снова села, прислонившись к прохладному камню.

«Но что если у него тоже есть чувства к тебе? Если бы поцелуй продлился дольше, поцеловал бы он тебя в ответ?» «Кто там первый начал целоваться?» «Но он же бабник... готов целоваться с кем угодно». «А ещё он поддерживает твой союз с Тоей». «Только потому, что он чувствует угрозу, да и вообще таков Шинбей». — Чей-то голос вывел её из запутанных мыслей.

— Киоко, — произнёс надтреснутым голосом Шинбей. Голова Киоко вздргнулась, и она покраснела, чувствуя, что он как будто пришёл на зов её мыслей.

— Мм, привет, — она отвела взгляд в сторону в надежде, что он не заметил вспыхнувший на её щеках румянец.

— Ты направляешься домой? — Он медленно сделал пару шагов вперёд, продолжая говорить. — Я тебя не виню. Особенно после того, что сделал Тоя, — Шинбей опустился перед ней на колени с протянутой в её сторону рукой, чтобы помочь ей встать. Она приняла его руку и встала, стряхивая пыль с юбки.

— Иногда рядом с ним невозможно находиться, Шинбей... Мне... мне очень жаль, что он создал тебе столько проблем, — она сделала шаг в сторону святилища.

Шинбей не хотел, чтобы Киоко ушла, но он знал, что если она на что-то решилась, её уже не остановить. Он прекрасно понимал, как она отреагировала на требование Тои, и Шинбей не хотел, чтобы она обиделась на него по той же причине. Но в действительности он чувствовал то же, что и Тоя... Он не хотел её отпускать.

Сдерживая свои истинные чувства, он попытался развеселить её:

— Всё хорошо, Киоко. Мне ты можешь создавать проблемы в любое время, — он усмехнулся ей, медленно и как будто притворно вытянув руку в её сторону.

Киоко не смогла не заметить этот жест и рассмеялась, одарив его улыбкой. Затем она исчезла.

Шинбей стоял, глядя на статую, и его улыбка постепенно угасла. Он хотел сказать ей: «Не уходи». Он даже не стал бы её лапать... ну, разве что слегка. Он сделал то, что должен был сделать, чтобы она могла спокойно покинуть этот мир. Он понимал, что между ними ничего не изменилось, что она расстроена, и хотел просто увидеть её улыбку или проявление любых других эмоций помимо печали и злости. Его план сработал лучше, чем он рассчитывал, когда он её рассмешил.

Тревожный аметистовый взгляд Шинбея метнулся в сторону от святилища Девы. Ему никогда не нравилось, когда портал забирал от него Киоко и хотел иметь возможность проследовать за ней в её мир... хотя бы раз. Его глаза потускнели, а затем зажмурились от ревнивой мысли о Тое, который мог следовать за ней через Сердце Времён беспрепятственно. Почему портал выбрал для этой миссии серебряного хранителя и только его? Так нечестно. Ведь Тоя не единственный её страж.

Когда Киоко оказалась по ту сторону алтаря Девы, она прилегла в уединённом храме при святилище, положила голову на свой рюкзак и закрыла глаза. Сейчас она никого не хотела видеть.

Мысли о Шинбее, который занимался с ней любовью, по-прежнему просачивались ей в голову. Почему ей приснился именно такой сон с его участием? От этого ей даже хотелось... «О чём это я думаю?» — спросила она себя. Пришлось прогнать эту мысль.

Шинбей и Зуки, очевидно, нравятся друг другу, даже если не хотят это признавать. К тому же, он клеится ко всем женщинам подряд. Такова натура Шинбея.

Киоко медленно встала и покинула храм, также служивший пристанищем статуе девы. «Пойду лучше к себе в комнату и займусь учёбой. Ага, завтра пойду на занятия, и всё будет хорошо. Может быть, даже обзвоню друзей, и пойду тусить с ними». — Киоко замерла на месте и сделала важное замечание вслух:

— Новое правило: никогда не есть фрукты с друзьями.

Тоя всё ещё боролся со своим ревнивым настроением, медленно бредя к статуе. Он намеревался проследовать за Киоко и всё исправить. Он не мог спокойно думать о том, что она злится на него.

Его чувства обострились и сказали ему, что он здесь не один. Он посмотрел перед собой и увидел Шинбея, который стоял, прислонившись к одному из камней, оставшихся от древнего замка, ныне забытого. Его руки были спрятаны под плащом, а на коленях у него лежал посох. Он запрокинул голову и закрыл глаза, как будто спал.

— Просыпайся, грязный развратник! — заорал на него Тоя, злой как никогда.

Шинбей приоткрыл один сонный глаз и снова закрыл его.

— Чего тебе надо, Тоя?

Тоя вспылil:

— Чего *мне* надо? Мне надо знать, что ты тут забыл.

Шинбей открыл глаза и вскинул бровь на своего брата.

— Мне что, нельзя здесь отдыхать?

Тоя прищурился на него.

— С каких это пор ты ходишь отдыхать к Сердцу Времён?

Шинбей медленно встал, на всякий случай готовясь к худшему. Он знал, что Тоя был намного сильнее. Но Шинбей также знал, что он не настолько слаб, как думает Тоя. У них просто были разные способности.

— Я пришёл попроситься с Киоко. После того, как ты с ней обошёлся, нам повезёт, если она вообще когда-нибудь вернётся. Что вообще творится в твоих куриных мозгах? — в спокойном голосе Шинбея скользнула нотка беспокойства, которое он старался скрыть.

Тоя тихо заворчал. Шинбей говорит правду. Пожалуй, *может быть*, он слегка перегнул палку, но он всё же видел, как они целовались. Киоко поцеловала этого похотливого хранителя. Сцена вновь пронеслась в голове Тои, и его душа закричала: «Нет, это Шинбей поцеловал Киоко, а не наоборот!»

Он повернулся спиной к Шинбею.

— Не знаю, что ты затеял, но если ты ещё когда-нибудь хоть раз тронешь Киоко... я тебя убью. — С этими словами Тоя взмыл в воздух, оставив только серебристое перо, парящее на ветру.

Шинбей вздохнул и сел обратно, прислонившись к камню, когда услышал неподалёку задорный смех Камуи. Несколько мгновений спустя, Сеннин, Камуи и Зуки вышли на просеку с корзинами трав и овощей, которые собрал старик.

«Они, должно быть, повстречали его на обратном пути к хижине», — заключил Шинбей.

Старик Сеннин был хозяином хижины, в которой они останавливались, когда находились рядом со святилищем. Сеннин вырастил Зуки и её брата в одиночку, когда его жена и их мать погибли от рук демонов, напавших на деревню. Зуки была тогда слишком маленькой и не запомнила свою мать, но знала, что среди людей та считалась лучшей истребительницей демонов в этом мире.

В деревне Сеннин выполнял роль целителя, но только хранители знали правду. Он был мастером наложения заклинаний и знал больше, чем большинство учёных мужей в своём мире. Шинбей грустно улыбнулся, наблюдая за приближением старика.

— Чего это ты такой мрачный, Шинбей? — спросил подошедший к нему Сеннин. Он взглянул на него своими слабеющими от возраста глазами. Аметистовый страж в последнее время вёл себя как-то по-особенному странно... а это говорило о многом, ведь он считал всех хранителей немного не от мира сего.

Шинбей встал, когда группа подошла к нему, как будто просто ждал их здесь, а не готовился к битве с Тоей.

Зуки посмотрела на святилище Девы за его спиной.

— Киоко уже отправилась к себе домой?

Шинбей безучастно посмотрел на неё, прежде чем ответить:

— Да, её уже здесь нет.

Камуи перестал рыться в корзине в поисках чего-нибудь вкусного и напряжённо посмотрел на Шинбея. Его улыбка растворилась и сменилась на тревогу.

— Почему она ушла? — Он тут же всё понял и прищурился. — Что Тоя натворил в этот раз?

Шинбей вытянул руку и положил её на плечо Камуи, чтобы успокоить его. Он знал, что Камуи не любит, когда Киоко возвращается в своё время слишком рано.

— Всё хорошо, Камуи. Она скоро вернётся. — По крайней мере, он на это надеялся. Он застонал про себя.

Зуки выглядела обеспокоенной. Киоко вернулась к ним посреди ночи, и у неё даже не было возможности поболтать с ней этим утром.

— Значит, ей пришлось его усмирить?

Шинбей посмотрел на девушку и ухмыльнулся:

— Боюсь, что да. Тоя не в лучшем настроении.

— Могу представить. Ты не знаешь, из-за чего они опять повздорили? — Сеннин покоился на него, поправив корзину, и направился в сторону хижины. Зуки последовала за ним, равно как и Камуи, который продолжил перебирать содержимое своей корзины. Шинбей пошёл за ними, пытаясь придумать ответ на этот вопрос.

— Как будто Тое нужен повод, чтобы орать на неё. — Шинбей пожал плечами, как будто не понимает, в чём дело. В то же время он надеялся, что никто не почует его вину.

Тоя сидел на дереве рядом с хижинкой Сеннина и слушал их разговор по мере их приближения. Он расслышал комментарий Шинбея и захотел превратить его в кровавую кашу. Но, подумав, он решил, что лучше не рассказывать им о том, что он увидел сегодня. В его глазах заплясали серебряные искры, когда он подумал об этом поцелуе. Решив придержать эту информацию на какое-то время, Тоя откинулся на дереве и закрыл глаза, притворяясь спящим.

— Ты спишь, Тоя? — обратился к нему Сеннин.

Тоя продолжал игнорировать старика. В конце концов, он не обязан перед ним отчитываться.

Сеннин сделал паузу, всё ещё желая высказаться.

— Ты сегодня превзошёл сам себя. Даже не захотел дать ей побыть здесь ещё немного?

Тоя наклонился вперёд и гневно посмотрел на Сеннина.

— Помолчи, старик. Ты даже не знаешь, о чём говоришь. — Он спрыгнул с дерева и пошёл в сторону леса.

Шинбей вздохнул с облегчением. Он боялся, что Тоя расскажет им об этом невинном поцелуе, и ему придётся объясняться. «Невинный поцелуй?» — подумал он про себя, и у него засосало под ложечкой. Если он был такой невинный, почему он думал о мягкости её губ, которые прижались к его губам? С этой мыслью он вошёл в хижину.

Каэн, союзник стражей, который был, по сути, огненным духом, встретил Камуи широкой улыбкой. Он часто помогал Камуи тренироваться и всегда оберегал его в пылу сражения. Конечно, этому помогала способность Каэна превращаться из человека в дракона, да и тренировки от этого только выигрывали. У них как раз был спарринг возле хижины, пока Сеннин и Зуки переглядывались между собой.

Зуки пожала плечами, и они вошли в хижину. Шинбей лежал на подстилке спиной к ним, подперев голову локтем. Они наблюдали за ним, но никто ничего не сказал о его подавленном настроении. Зуки развела огонь в очаге, а Сеннин приготовил ужин, и они оба смотрели на тяжело вздыхающего Шинбея.

Тоя весь день провёл вне хижины, пока солнце не опустилось к горизонту. Он тихо подошёл к жилищу и начал подслушивать тихую беседу Сеннина и Зуки. Слух хранителя был способен разобрать каждое произнесённое шёпотом слово.

— Как думаешь, Сеннин, он заболел? — обеспокоенно спросила Зуки, глядя на Шинбея, который всё ещё крепко спал на своём одеяле.

— Ага, даже не притронулся к еде, — ответил старик, очищая посуду от остатков ужина.

— Надеюсь, ничего серьёзного. Без помощи Киоко он нам бы очень пригодился завтра в поисках недостающих талисманов. — Зуки пожала плечами и расстелила свою постель.

— Ага, я ему травяного чаю заварю, как проснётся. — Сеннин не думал, что хранитель болен, потому что у них всех крайне высокий иммунитет к человеческим болезням. Хотя... в его практике просто не было заболевших хранителей. Всё-таки, это что-то посерьёзнее.

Взгляд его старых карих глаз стал острее, когда Сеннин подумал о Кристалле. С тех пор как он раскололся, маленькие серебряные талисманы начали появляться то тут, то там и обычно попадали не в те руки. Любой низший демон, обладающий таким талисманом становился крайне сильным и очень опасным. Армия зла Хякухэя, казалось, росла день ото дня. С недавних пор он чувствовал, как это зло подбирается всё ближе.

Тоя стоял снаружи хижины, раздумывая, заходить ли внутрь, когда услышал своё имя.

— Интересно, из-за чего Тоя так расстроился, что это заставило Киоко сбежать домой? — Зуки подавила зевоту.

Сеннин кивнул:

— Можно подумать, он усвоил свои уроки. Она ведь нужна нам не меньше, чем хранители.

Зуки сидела на своей подстилке, стряхивая в сторону воображаемую грязь.

— Ну, разозлил он её довольно быстро. Наверняка он сказал ей, что от неё воняет перегаром. — Она резко повернулась к Камуи, когда услышала его сдавленный смех. Взяв расчёску, которую ей подарила Киоко, она ловко швырнула её ему в голову. — А я думала, ты спишь!

Сеннин посмеялся над ними и пошёл к выходу.

— Спокойной ночи, Зуки и Камуи.

Тоя стоял снаружи. Он уже забыл, чем пахло от Киоко, так что не нужно было рассказывать им, что произошло на самом деле, хотя было бы неплохо устроить Шинбею неприятности с Зуки. Он усмехнулся. Уж она бы его отлупила как следует.

Запрыгнув на дерево, Тоя рассмеялся при мысли о том, как Зуки бьёт Шинбея, зная, что его брат и пальцем не пошевелит, чтобы остановить её.

Глава 5. Опасная ревность

Киоко чувствовала себя отвратительно. Она могла думать только о Шинбее, Тое и том дурацком поцелуе. Она лежала в мягкой постели, но не спала, размышляя о том, с кем из них приятнее целоваться. С одной стороны, Шинбей — похотливый хранитель, флиртующий с каждой женщиной при первой же возможности. У него наверняка было больше женщин, чем у неё пальцев на обеих руках, но от одной мысли о его поцелуе она теряла голову.

С другой стороны, Тоя — хранитель, который орёт на неё из-за любой мелочи и пытается контролировать каждый её шаг. Однако иногда он может быть и очень милым. Они оба могут по-своему. Она уткнулась головой о подушку и вздохнула. Странно. Раньше она привыкла думать только о Тое перед отходом ко сну, но через какое-то время её мысли начали обращаться к Шинбею. Шинбей... И вот она вновь уснула с мыслями о нём.

Шинбей проснулся в поту посреди ночи. Очередной сон. Он со стоном встал. Почему он не может перестать думать о ней? Она сводит его с ума. Он огляделся и увидел, что Зуки и Камуи ещё спят. Проскользнув по комнате подобно призраку, он вышел из хижины и сделал глубокий вдох, глядя в небо. Тогда он и заметил Тою, глядящего на него с нижних ветвей дерева прямо напротив хижины.

— Чего тебе? — Сейчас Шинбею не хотелось ввязываться в очередное противостояние, но взгляд Тои его попросту раздражал.

Тоя понюхал воздух и проворчал, чувствуя возбуждение Шинбея:

— Чем занят, хранитель?

Шинбей склонил голову и приложил пальцы к виску, как будто испытывая головную боль, хотя ничего подобного у хранителей не бывает.

— Решил прогуляться под светом луны, только вот тебя это не касается.

Тоя снова зарычал и спрыгнул со своего насеста над хижиной Сеннина. Он начал ходить кругами вокруг Шинбея, как хищник вокруг жертвы.

— Ещё как касается. — Тоя продолжал кружить возле него.

Шинбей посматривал на него краем глаза со скучающей миной на лице, однако внутренне готовясь к нападению Тои.

— Не понимаю, на что ты намекаешь, Тоя. Но если ты не против, я как-нибудь прогуляюсь без тебя.

Тоя прекратил своё грозное кружение и остановился прямо перед Шинбеем так резко, что это вызвало дуновение ветра.

— Держишь подальше от Киоко, слышишь меня? Если мне хоть на секунду покажется, что ты к ней прикоснулся... — он резко опустил свою руку к земле и показал, как в его ладони формируется кинжал и одновременно с этим сосредоточил взгляд на другом хранителе, — я убью тебя на месте и не посмотрю, что ты мой брат.

Шинбей устал от твердолобости Тои.

— Да, я понял. Теперь, если не возражаешь...

Тоя отошёл в сторону и пропустил Шинбея. «Не доверяю я ему», — подумал Тоя.

Шинбей ушёл в лес. Ему было наплевать на последствия. Он просто хотел уйти подальше от всевидящих глаз Тои. Да, он понимал, что Тоя убьёт его, как только узнает, что натворил Шинбей, но тогда он хотя бы умрёт счастливым. Он вздохнул, вглядываясь в звёздную ночь.

— Ах, Киоко. Зачем же ты ушла? Чёртов Тоя. — Он замахнулся посохом перед собой и прорычал: — Будь ты проклят!

Шинбей пошёл дальше, не намереваясь возвращаться к святилищу, но в итоге оказался именно там. Он встал на краю просеки, осознавая, что ему не следует здесь находиться. Тоя,

скорее всего, идёт за ним по пятам. Он оглянулся в поисках признаков присутствия своего вспыльчивого брата. Не почуяв его, он медленно подошёл к статуе Девы.

Он встал перед статуей, глядя на лик Киоко из прошлого, задумался и не услышал приближающихся сзади шагов.

— Что ты задумал, хранитель? — низким голосом спросил Тоя из-за спины. Он так напугал Шинбей, что тот потерял равновесие и чуть не упал в объятия статуи, но Тоя вовремя схватил его за руку.

— Тоя, нельзя так подкрадываться, — проворчал Шинбей, отбросив руку Тои.

— Я сказал тебе держаться подальше от Киоко. Я не знаю, что творится в твоей голове, но если мне придётся тебя образумить, я это сделаю, — глаза Тои бешено заискрились при мысли о том, что у его брата могут быть чувства к Киоко. Только не в этой жизни, иначе придётся что-то предпринять.

Шинбей был по горло сыт угрозами Тои. Он попросту вышел из себя.

— Хватит! — Он замахнулся посохом на Тою, который отпрыгнул в сторону. — У тебя был миллион шансов с Киоко, но ты всегда предпочитал закрывать на них глаза. Теперь же ты хочешь указывать, с кем ей быть? С кем целоваться? — Он засмеялся, но его смех прозвучал сердито. — Не бывать этому, Тоя. Ты проиграл. — Шинбей размял шею и выставил посох перед собой, готовясь к предстоящей атаке. Он знал, на что способен Тоя, но устал ему постоянно уступать.

Тоя в шоке таращился на Шинбея и не мог пошевелиться. Он знал, что ему нельзя использовать свои кинжалы... в противном случае он наверняка убьёт брата. Его глаза забурили расплавленным серебром при взгляде на непокорного родича.

— Что ты сказал? Ты хочешь сделать Киоко своей? — Тоя с рёвом добавил: — Да ты же обычный бабник. Киоко никогда не захочет быть с тобой! — Он прыгнул на Шинбея.

Шинбей уклонился от Тои и вновь принял оборонительную позу.

— Ты до сих пор думаешь, что нужен ей, когда ты только и делаешь, что пытаешься её контролировать и ведёшь себя так, как будто тебе плевать на её чувства? — Он уклонился от очередного удара Тои и рассмеялся. — То ли ты становишься неповоротливым, — его голос помрачнел, — то ли я наступил тебе на любимую мозоль.

Тоя остановился, глядя на Шинбея. Он не понимал, почему до сих пор не призвал кинжалы. Он отчаянно хотел пролить кровь Шинбея, но для этого ему не нужны были клинки.

— Ты не имеешь права обсуждать мои действия. — В голосе Тои сквозила смертельная угроза. Он опустил голову, и его локоны скрыли красные блики, смешивающиеся с серебряными, которые уже полностью заполнили его глаза.

Шинбей вскинул бровь.

— Ха, а я был прав насчёт мозоли. Как интересно. У серебряного хранителя тоже есть чувства... к своей жрице. Но ты не имеешь права указывать Киоко, с кем ей целоваться. В конце концов, по её словам, у неё нет мужчины. Так что, как я понимаю, конкурс ещё открыт. — Шинбей пожал плечами, отвернулся и посмотрел на святилище.

Тоя воспользовался моментом, чтобы наброситься на Шинбея.

— Не смей поворачиваться ко мне спиной! — Он ударил Шинбея со всей силы, от чего тот покатился кувырком, а его посох отлетел на другой край поляны.

Шинбей быстро вскочил на ноги и перекатился, встав лицом к лицу с Тоей. Его длинные, иссиня-чёрные волосы развевались на ветру, а его аметистовые глаза опасно сверкали. Оба хранителя какое-то время молчали, злобно глядя друг на друга. Трава вокруг них и статуи Девы светилась незаметной аурой, оставленной врагом.

Оказавшись без оружия и в невыгодном положении, Шинбей выставил руку перед собой ладонью вверх, призывая силу хранителя. Камни вокруг него отделились от земли, в которой пролежали веками. Он знал, что у него нет времени закончить заклинание, потому что Тоя

вновь бросился в атаку. Он попытался увернуться, но его ноги подкосились, когда он задел боком статую Девы.

Тяжёлые камни рухнули обратно на землю, а Тоя врезался в него, схватив за горло. Шинбей схватил Тою за воротник, и они оба провалились в море тёплого синего тумана.

Вместо жёсткого приземления, как ожидал Шинбей, он почувствовал, как его обволакивает мягкий синий свет. Сначала ему в голову пришла мысль о смерти, ведь Тоя начал его душить перед падением. Затем таинственный туман рассеялся, и они-таки приземлились... жёстко. Руки Тои были по-прежнему сомкнуты у него на горле.

Все его чувства вмиг вернулись к нему. Шинбей поднял руки и упёрся в плечи Тои. В итоге он смог отцепить от себя его руки.

Тоя упал на спину от толчка Шинбея. Тогда-то он и понял, где они оказались.

— Какого лешего?.. — Тоя всматривался во тьму, увидев крышу над головой. Они оба провалились в мир Киоко? И Шинбей вместе с ним? — Нет! — зарычал Тоя, вскочив с деревянного пола и глядя на Шинбея. Никто из хранителей не может проходить через Сердце Времени кроме него. Он был единственным хранителем, у которого есть доступ сюда. Кровь Тои вскипела от ревности.

— Теперь я точно тебя убью! — Тоя снова бросился на Шинбея и ударил того в висок.

Однако Шинбей был не так слаб, как казалось. Он встряхнул головой, обрёл равновесие, быстро пригнулся и пнул Тою в бок, отправив того в полёт.

Тоя взвыл, треснувшись боком о стену храма.

Шинбей прислонился к деревянной стене, пытаясь восстановить дыхание. Его плащ был порван в нескольких местах, а голова пульсировала от удара Тои. Он посмотрел на Тою, который выглядел ничуть не лучше... только намного злее.

Он присел на корточки и крикнул:

— Тебе сюда нельзя! — Тоя снова бросился на Шинбея, но врезался в стену, когда тот в последний момент увернулся.

Тоя, возможно, был сильнее, но Шинбей был быстрее. Увернувшись, Шинбей нанёс ему энергетический удар, который мог сразить бога.

Тою снова отбросило к стене, но его ярость заглушала всякую боль. Он вытер кровь с губы и посмотрел на Шинбея ртутными глазами. Ему нужно было успокоиться, но как только мысль об этом появлялась у него в голове, её тут же вытесняла ярость. Он хотел причинить боль Шинбею, очень много боли. Он проследил за тем, как Шинбей наклонился и упёрся ладонями в колени, тяжело дыша, и воспользовался этой возможностью, чтобы схватить того за плащ и вышвырнуть за дверь храма.

Хранителя невозможно убить... по-крайней мере, в теории. Однако Хякухэй смог убить их отца. Никто из них не был по-настоящему бессмертным. Шинбей проехал по гравии, перекатился, а когда остановился, встал и вытер кровь и грязь с глаз.

Киоко лежала в своей постели, не понимая, от чего она проснулась. Она слышала грохот и приглушённое рычание, поэтому подумала, что это её дедушка не спит и смотрит телевизор. Она чуть не выпрыгнула из кожи, когда в комнату ворвался Тама.

— Киоко! — Тама указал в сторону окна, — Кто... кто-то дерётся... там... во дворе. — Он едва успел договорить, как Киоко подскочила к окну и выглянула наружу. Она ничего толком не видела, потому фонарь на краю двора был, похоже, разбит.

Тама стоял рядом с ней, вглядываясь в темноту. Внезапно красно-чёрная вспышка показалась рядом с домом, где свет исходил с крыльца.

Он показал пальцем:

— Это... это...

— Тоя! — закричала Киоко, и её охватила паника. С кем он сражается? С демоном? В её мире? Она увидела, как он внезапно взлетел вверх и был брошен в огромное дерево, на которое она карабкалась в детстве. Проблема была в том, что она не видела, какая сила отправила его туда. Неужели он сражается с призраком?

— Тама, разбуди дедушку. Мне нужно помочь Тое. — Она быстро схватила свой лук духов и выскочила за дверь. Шокированный Тама остался в комнате.

Она выбежала босиком во двор со стрелой наготове. Пытаясь разглядеть свою цель, прежде чем поразить её, она с ужасом обнаружила не одного хранителя, а двух. От этого зрелища она замерла на месте.

— Шинбей, — прошептала Киоко, увидев, как он сползает по внешней стене дома. Она как будто почувствовала удар наравне с ним, только у неё он оставил огромную вмятину в сердце. Она увидела движение боковым зрением и быстро перевела в ту сторону взгляд своих изумрудных глаз. Там был Тоя, и он готовился вновь атаковать Шинбея.

Бросив лук на землю, она выбросила вперёд руки, чтобы прочитать заклинание усмирения, которое действовало только на серебряного стража.

— Тоя! Нет! — закричала Киоко.

Тоя был уже в полёте, когда внезапно обрушился на землю подобно тонне кирпичей, зарывшись лицом в твёрдую землю.

Киоко подбежала к Шинбею, в спешке прокатившись по траве. Упав перед ним на колени, она поняла, что ему очень плохо.

— Как ты, Шинбей?

Шинбей приоткрыл один глаз и взглянул на Тою.

— Ему больнее, — он попытался улыбнуться, но тут же потерял сознание.

Тоя посмотрел на Киоко снизу вверх из своей неудобной позы и зарычал от того, как задрожали её губы. Как она посмела принять сторону этого распутника после того, что сказал тогда Шинбей?

Киоко повернулась к нему со слезами на глазах.

— Что ты наделал?

У него не было шанса ответить, так как её брат и дед прибежали во двор. Дед, готовый расплющить всякого, кто покусится на его внука, успел захватить с собой свои магические свитки.

Киоко начала всхлипывать от безысходности.

— Помогите мне занести Шинбея в дом.

Тама и дед, не задавая вопросов, подняли Шинбея и понесли его внутрь. Дед только покосился на Тою, а Тама и вовсе отказался смотреть на него. Они ушли, а Тоя остался лежать на земле.

Ему даже не хотелось шевелиться. Он знал, что Киоко была настолько сердита на него, что она, скорее всего, будет использовать на нём это проклятое заклинание снова и снова, если он посмеет войти в её жилище. Это несправедливо. Неужели она не поняла, что он всего лишь хотел защитить её?

Свет луны отразился от серебристых прядей в его тёмных волосах, когда он перевернулся на спину с тяжёлым сердцем. Поднявшись с земли, он ушёл обратно через портал.

Когда солнце взошло над святилищем девы, Тоя по-прежнему ходил по саду из стороны в сторону, пытаясь понять, что вообще произошло. Как Шинбею удалось пройти через Сердце Времени? Это было просто недопустимо. Вопрос не выходил у него из головы и сводил его с ума.

Зуки вышла на поляну вместе с Камуи и Каэном в поисках Тои и Шинбея. Она заметила Тою и помахала ему.

«Только этого мне не хватало», — проворчал Тоя про себя, наблюдая за приближением Зуки. Она остановилась и окинула его долгим взглядом, прежде чем заговорила, и её тревога застала его врасплох.

— Тоя, ты в порядке? Что случилось? — Она протянула руку к его лицу, и он вздрогнул. Она смотрела на затягивающиеся раны, покрывавшие его лицо, и на засохшую кровь на его одежде и руках. Она снова посмотрела на его руки. Тоя никогда не оставлял кровь на своих руках после сражений. Что здесь происходит?

— Тоя, чья это кровь? — Когда он не ответил и отвернул от неё лицо, она огляделась в поисках Шинбея, зная, что он-то уж точно ей всё расскажет. Не обнаружив его, она в панике спросила: — Где Шинбей?

Камуи стоял на краю просеки рядом с Каэном, когда почувствовал волнение Тои и приблизился к нему. Он услышал вопрос и молился о том, чтобы ответ оказался неверным. Надеясь успокоить их обоих, он попытался пошутить, спросив:

— Только не говори, Тоя, что убил его.

Тоя стиснул зубы.

— Я никого не убил, недомерок, так что заткнись! — Он отвернулся от них и принялся разглядывать свои окровавленные ногти — до этого он их даже не замечал.

«А вдруг убил?» — подумал Тоя про себя. Тот последний удар по Шинбею должен был нанести серьёзный урон. Он вспомнил, как его когти вонзились в бок Шинбея, когда он запустил его в дерево. Тоя знал, что его когти могут быть смертоносными, когда отрастали во время боя... не только для демонов, но и для всех бессмертных, включая хранителей.

Ему не следовало драться с братом, но он был настолько разъярён, что не смог остановиться. Почему он позволил своему темпераменту выйти за берега, зная, что может проявиться его демоническая кровь? Обычно он лучше контролировал себя. Чёрт возьми. Если бы Киоко вовремя не вышла из дома, неизвестно, что бы он с ним сделал. Раньше он никогда не дрался с Шинбеем... Что за чертовщина здесь происходит?

Это паническое чувство накатывалось на него снова и снова. Он ощущал взгляды Зуки и Камуи на своей спине. Шинбей был его братом... таким же хранителем. Что он натворил? Не глядя на них, Тоя сжал руки в кулаки и внезапно закричал:

— Я ничего не сделал! — Испытывая потребность спрятаться, он убежал с просеки и скрылся в лесу.

Каэн и Камуи переглянулись, разделяя одно и то же недоброе предчувствие.

Киоко сидела за своим столом с иголкой и ниткой в руке. Она решила зашить плащ Шинбея, порванный в нескольких местах. Ей нужно было чем-нибудь занять себя, потому что после ухода Тои и с учётом бессознательного состояния Шинбея она даже не могла никого расспросить о случившемся. Однако у неё было чувство, что они подрались из-за неё.

— Всё из-за того глупого поцелуя, — виновато пробормотала она.

После того как её дед снял с Шинбея одежду, она забрала её и отстирала кровь, а Тама тем временем помогал деду обрабатывать раны, которые уже начали затягиваться. Если бы Шинбей не был стражем, обладавшим способностью к быстрому исцелению, он бы истёк кровью за несколько минут. Глядя на один из разрывов в ткани, она представила когти Тои и содрогнулась.

Он был сильно изранен, но шишка на голове беспокоила больше всего. Её дед сказал, что из-за неё он может пробыть без сознания довольно долго. Он также сообщил ей, что когда двое хранителей сражаются друг с другом, это намного опаснее, чем драка двух людей. Ох уж эти его легенды... Киоко и без них понимала, что всё плохо. Она просто надеялась, что мозг Шинбея не пострадал. Для него настолько долгое бессознательное состояние — очень плохой знак. Она молилась, чтобы он очнулся как можно скорее и сказал ей, что всё хорошо.

Киоко присела рядом с ним, когда её дед перевязал и укутал его в её постели. С тех пор она не спала, опасаясь, что он проснётся без её ведома.

Шинбей медленно открыл глаза в тусклом свете комнаты. Где он? Он растерянно всматривался в белый потолок. Его голова — как же она болит! Он попытался оглядеться по сторонам, но ему было слишком больно. Повсюду был розовый цвет. Куда он попал?

— Ай! — Киоко укололась иголкой, сунула палец в рот и начала его посасывать. Она слегка повернулась на стуле, и Шинбей увидел её в свете от настольной лампы.

— Должно быть, я попал в рай, — прошептал Шинбей сухими губами. Он увидел, как глаза Киоко расширились, и она медленно повернулась в его сторону. Он попытался улыбнуться, но его голова так сильно болела, что он был вынужден снова закрыть глаза.

Киоко чуть не опрокинула стул, пытаясь подойти к нему как можно быстрее.

— Шинбей, нет, пожалуйста, погоди засыпать, — умоляла она дрожащим голосом. Она была готова разрыдаться. Шинбей открыл глаза, почувствовав запах соли в воздухе. Она заплакала? Он хотел сесть, но острая боль вновь пронзила его висок.

Киоко положила руку на его плечо.

— Не пытайся сесть. Ты был очень тяжело ранен, — она вытерла мокрую щеку тыльной стороной ладони и улыбнулась, когда он вновь открыл глаза.

— Неужели? — он попытался улыбнуться, но ему по-прежнему мешала головная боль. Он поднёс руку к голове, охватив её ладонью. «Хмм, какая большая шишка», — он вопрошающе посмотрел на Киоко.

Киоко не сдержалась:

— Ты псих! Тебя чуть не убили! — Она разрыдалась и поднесла руки к лицу.

Шинбей протянул к ней руку и провёл пальцем по её щеке.

— Прости, Киоко. Надеюсь, Тоя чувствует себя так, как я выгляжу.

Киоко отняла ладони от лица и уставилась на него.

— Понятия не имею. — Она отвернулась от него и отошла к столу, взяла графин с водой и наполнила стакан. Внезапно она ощутила злость к ним обоим. Они вместе должны были разыскивать талисманы, а не драться друг с другом.

— Ты не знаешь? — Шинбей попытался поднять бровь, но понял, что всё его тело представляло собой одно больное место. Тогда он решил, что в следующий раз, когда он будет драться с Тоей, он будет не просто защищаться... он ещё и как следует даст ему сдачи.

Киоко вернулась к нему и помогла попить воды. Она улыбнулась ему с блеском в глазах.

— Я не видела Тою с тех пор, как наложила на него заклинание умирения возле дома. — Каким-то образом она понимала, что это развеселит Шинбея.

Его попытка засмеяться обратилась в кашель.

— Заклинание умирения? — Он застонал, прижав руки к перебинтованной груди. — Пожалуйста, не смейся. Мне больно.

Его боль отразилась на лице Киоко.

— Прости, Шинбей. Мы не можем отправить тебя к человеческому доктору... сам знаешь, почему. Дедушка перевязал твои раны, как умел, и поверхностные уже зажили.

Шинбей подмигнул ей, уже не пытаясь кивать головой.

— Понимаю. Спасибо за заботу. — Любопытство взяло верх. — И ты не ходила проверить, как там Тоя?

Киоко встала и повернулась к нему спиной.

— Нет, я была здесь с тобой и ждала, когда ты очнёшься. — Она отошла к столу, взяла флакончик с аспирином, но поставила обратно, зная, что стражу это никак не поможет. — Из-за чего вы подрались? — прошептала она, не желая слышать ответ. Она снова взяла флакон в руку. Всё равно не повредит.

— И долго я спал? — прошептал Шинбей, пытаясь свести болезненные ощущения к минимуму. Он расслышал её вопрос, но... пусть это лучше останется между ним и Тоей.

Она обернулась и подошла к нему.

— Несколько часов. — Киоко приложила таблетку аспирина к его губам и поднесла стакан с водой. — Вот, глотай.

Он сделал, как было сказано, думая: «Неужели она просидела возле меня всю ночь?» Он закрыл глаза, размышляя об этом. Затем он почувствовал её прохладную руку на своём лбу и снова открыл глаза.

Киоко улыбнулась.

— Даже не верится, что ты здесь... на моей стороне Сердца Времени. — Она пожала плечами, как будто это ничего не значило. Однако это значило очень многое. — Ну, теперь, когда я знаю, что с тобой всё будет хорошо, я, пожалуй, пойду и скажу остальным, что мы вернёмся ещё нескоро. Ты отдыхай, а когда проснёшься, я уже буду здесь.

Шинбей ошеломлённо смотрел на неё. Его взгляд летал по комнате. Как же много он пропустил! Он находится в её мире! Он, должно быть, сильно приложился головой, раз понял это только сейчас.

Так, минуточку. Он вновь сосредоточил свой аметистовый взгляд на ней. Что это она имела в виду под «отдыхай»? Она не возьмёт его с собой? Что если Тоя не пустит её обратно? А если с ней что-нибудь случится? Он должен искать талисман вместе с ними. Он должен быть там, чтобы защищать её от Хякухэя.

Шинбей попытался приподняться и сказать ей, но боль пронзила его мозг, и он со стоном повалился обратно на кровать.

Киоко остановилась на полпути, обернулась и посмотрела на него умоляющим взглядом.

— Пожалуйста, Шинбей, не пытайся подняться. Нельзя сказать, зажали ли твои внутренние повреждения, и мне бы не хотелось, чтобы ты истёк кровью, пока меня нет, — сказала она почти шутливо, но он всё ещё испытывал боль, а это означало, что он может только навредить себе, если не будет лежать спокойно.

— Киоко, мне нельзя здесь оставаться. Я даже не знаю, где это «здесь». — Она, похоже, почувствовала его страх, потому что заговорила тихо, приоткрыв дверь и собираясь уйти:

— Не переживай, Шинбей. Дедушка составит тебе компанию, — она закрыла за собой дверь, прежде чем он успел что-либо возразить.

Глава 6. Недоразумения

Найдя деда и сказав ему, что Шинбей проснулся, Киоко взяла свой рюкзак и набила его всеми вещами, которые, как она знала, непременно понравятся её друзьям. Она положила туда вяленую говядину для Тои, шоколад для Камуи и, конечно же, то, что любили все — жвачку.

Подумав ещё немного, она добавила несколько бутылок содовой и миндаль в шоколаде для Зуки и Сеннина. Киоко улыбнулась, почувствовав облегчение от уверенности в том, что Шинбей скоро поправится. И всё же... ей хотелось бы поговорить по душам с Тоей о драке и о том, что тот запросто мог убить собственного брата. Она пыталась понять, как Шинбей смог проникнуть через Сердце Времён. Святилище не пропустило бы его без особой на то причины.

— Может быть, это для того, чтобы я смогла их разнять, — пробормотала Киоко.

Она также добавила обычные припасы для них, такие как бинты и аспирин. Оглядев кухню, она подумала, не навестить ли Шинбея на прощание, но решила этого не делать. Ей и так было тяжело оставлять его здесь. Она всё ещё помнила умоляющий взгляд его аметистовых глаз. Они как будто просили её остаться, но она собиралась уйти всего на несколько часов. Он будет в безопасности вместе с дедушкой и Тамой. Застегнув рюкзак, она направилась к святилищу.

Небольшой отряд провёл последние пару часов в поисках Шинбея. Они не могли даже напасть на его след, поэтому даже не представляли, откуда начинать. Ими овладели самые плохие мысли, даже несмотря на отсутствие доказательств. Беспокойство буквально сводило их с ума. Что ещё хуже, тем вечером Тоя так и не вернулся в хижину и дал им лишний повод подозревать, что именно он стоит за исчезновением Шинбея.

Когда он не вернулся несколько часов спустя, Зуки уверилась в последнем. С учётом того, что Киоко тоже не возвращалась, ситуация выглядела ещё хуже.

— Клянусь, если Тоя когда-нибудь вернётся, я лично его прибую, — прохныкала Зуки в свои ладони. Рядом с ней сидел Сеннин и пытался её утешить.

Камуи молча сидел рядом, погружённый в мысли о Шинбее, который, возможно, где-то лежит мёртвый. Однако он бы почувствовал его смерть... разве нет? Они с Каэном поняли что-то странное, как только вышли на просеку... что-то в местной энергетике пахло злостью и ещё чем-то, чему он не мог придумать название.

Ещё одной уликой был тот факт, что некоторые камни вокруг статуи девы были выворочены из земли. «И где теперь Киоко?» Эта мысль заставляла Камуи сомневаться в произошедшем... Неужели она тоже пострадала? Она до сих пор не вернулась, и он забеспокоился. Он вздохнул, зная, что Каэн продолжает поиски.

— Эй, есть кто дома? — сказала Киоко задорным голосом, открыв дверь хижины. Она сразу же заметила подавленное состояние Зуки. Сбросив рюкзак на пол, Киоко подбежала к ней.

— Что не так? Что случилось? — Она поспешила сесть на пол рядом с подругой, потому что Зуки никогда не плакала... Она была слишком крутой для розовых соплей.

Зуки всхлипнула и вытерла глаза тыльной стороной ладони. Её губы разомкнулись, и она попыталась заговорить.

— Ох, Киоко, — она отвернулась и снова заплакала не в состоянии рассказать подруге о своих страхах.

Сеннин положил руку на плечо Киоко, глядя на свою дочь, и тихонько спросил:

— Киоко, можно поговорить с тобой снаружи?

Киоко перевела взгляд с Сеннина обратно на Зуки, затем медленно встала. «Что-то тут нечисто, — обеспокоенно подумала Киоко. — Вдруг с Тоей случилось что-то плохое или им

стало что-нибудь известно об исчезновении брата Зуки Хикару?» — По её спине пополз холодок очень нехорошего предчувствия.

Она проследовала за Сеннином на улицу.

— В чём дело, Сеннин? Что стряслось? — Киоко никогда и ни на секунду не задумывалась о том, что они переживают за Шинбея. Она думала, что Тоя сказал им, где тот сейчас находится.

Сеннин повернулся спиной к Киоко, зная, что ему придётся иметь дело с ещё одной душераздирающей сценой. Это было для него слишком. Если Киоко узнает, что Тоя убил Шинбея, это разобьёт ей сердце. В конце концов, он решился рассказать ей об их страхах.

— Киоко, мы уверены в том, что Тоя сделал что-то плохое Шинбею... и мы не можем найти никого из них, — его голос звучал ещё более старым, чем обычно, и был пропитан печалью и безысходностью. Он ожидал услышать крик ужаса, который должна была издать его юная подруга. Когда его не последовало, он обернулся и увидел, как Киоко идёт обратно в хижину.

Киоко присела на пол рядом с Зуки и заключила свою подругу в объятия.

— Всё хорошо, Зуки. Шинбей в порядке, — она начала её укачивать. Он каким-то образом прошёл через Сердце Времён вместе с Тоей. Он был ранен, но с ним всё будет хорошо.

Зуки на мгновение перестала дышать, затем со вздохом отстранилась, глядя на Киоко и вытирая слёзы.

— Шинбей... не умер? — она продолжала глазеть на Киоко.

Та нахмурилась.

— Нет. Он был весь изранен, но остался жив. Я вернулась, чтобы сказать вам, что он поправляется. — Она думала про себя, почему Тоя не рассказал им о случившемся.

Камуи слушал слова Киоко и был озадачен ими. Теперь он понял, почему не чувствовал Шинбея — его не было в этом мире. Он покинул хижину и отправился за Каэном, чтобы закончить поиски. Он хотел, чтобы другие его братья, Котаро и Кё, появились и как-нибудь помогли бы ему исправить ситуацию. Его мысли вернулись к Киоко.

— Пусть лупят друг друга сколько угодно, лишь бы не навредили ей, — прошептал Камуи, но тяжесть в груди не спешила отступать. Если понадобится... он и сам сможет её защитить.

Зуки встала.

— Он... он был у тебя всю ночь, Киоко? Мы... мы видели Тою с окровавленными руками, — она запуталась в словах и сделала паузу. В ней начала расти злость на Киоко за то, что она так долго держала это в тайне.

Киоко встала.

— А где Тоя? Если я до него доберусь, я его... — Зуки оборвала её на полуслове:

— Он всё это время был с тобой? У тебя, в твоём времени? — в голосе Зуки зазвучали обвиняющие нотки, и Киоко растерялась. — Ты так долго ждала, прежде чем прийти и сказать нам. А ты не думала, что мы тоже за него переживаем?

Киоко покачала головой.

— Прости, Зуки. Я не хотела оставлять его, пока не убедилась, что он... — она увидела, как лицо Зуки краснеет и сделала шаг назад.

— Всю ночь? Мы почти всё утро его искали, боялись, что он умер или где-то лежит раненый! А ты приходишь такая довольная и говоришь, что он у тебя! — Она ткнула обвиняющим пальцем в подругу. — Ты должна была прийти раньше. Ты должна была... — она прервалась и всхлипнула с облегчением, поняв, что Шинбей в безопасности.

Киоко приобняла девушку, чтобы утешить её

— Прости, Зуки. Я не подумала. Он был очень серьёзно ранен. Я боялась оставить его и ждала, когда он очнётся. Я очень боялась его потерять.

Зуки отстранилась от Киоко и снова вспылила на слова Киоко.

— Ты... боялась потерять его? — она уставилась на Киоко, моргая от слёз. — А из за чего они подрались, Киоко? Уж не из-за тебя ли?

Киоко этот вопрос застал врасплох. Она не знала, что ответить. Она не могла сказать Зуки, что поцеловала Шинбея, а Тоя их увидел. Это же Зуки — её подруга, тайно влюблённая в Шинбея. Вина накрыла её. Неужели она предала свою подругу? Она уставилась в деревянный пол, как будто увидела там что-то крайне интересное.

Она не влюблена в Шинбея, но... «Боже, о чём я думаю?» Она сжала руки в кулаки, разозлившись на саму себя за мысли о Шинбее в таком ключе, тогда как та, которая любит его по-настоящему, стоит прямо перед ней. Ей нужно было знать, что Зуки чувствует на самом деле.

— Зуки, ты влюблена в Шинбея? — спросила она быстро, неосознанно стараясь уйти от ответа на вопрос о причине конфликта двух хранителей.

Зуки повернулась к ней спиной, и её щёки вспыхнули от этого вопроса. Любит ли она его? Она задумалась. Да, у неё есть к нему чувства. Но любовь, как это подразумевает Киоко?... Она покачала головой. Она никогда не полюбит ни одного мужчину. Особенно Шинбея. Это даже не обсуждается. Может быть, она сможет его полюбить, если они успешно убьют Хякухэя и снимут с Шинбея проклятие. Но... нет, она просто не сможет в него влюбиться. Хватит с неё сердечных мук.

Запутавшись в собственных чувствах, она снова повернулась лицом к Киоко.

— Ты уходишь от вопроса, Киоко! Я спросила, не из-за тебя ли они подрались? — Теперь она, в свою очередь, уклонялась от вопроса, но на этот вопрос она честно не хотела отвечать и даже не хотела думать о нём.

Киоко вздохнула, пожав плечами.

— Я не знаю. Разве Тоя не рассказал вам, что случилось? — Она посмотрела на дверь, не понимая, почему его здесь нет. — Где Тоя? С ним всё хорошо? — Киоко внезапно испытала холодок, осознав, что именно из-за отсутствия Тои они не были в курсе происходящего.

Зуки взорвалась:

— Что?! Тоя убежал, когда мы нашли его. Его когти были покрыты кровью, Киоко! Он был... — Зуки прервал вошедший в хижину Сеннин.

— Чего раскричалась, Зуки? — Он присел на подстилку, поднял палку и поворошил огонь в очаге перед собой. — Присаживайся, Киоко, и расскажи нам всё, что знаешь.

Киоко посмотрела на Зуки. Ей было не по душе, что подруга рассердилась на неё. С чего это вдруг они начали ссориться между собой? Они всегда держались вместе и защищали друг друга... Что-то здесь не так. Она присела и начала рассказывать им, что случилось — от её купания в ручье до появления Шинбея в её мире.

Конечно, она не рассказала им о поцелуе. Только о том, что Тоя разозлился из-за того, что она была в нижнем белье.

— Вот, в общем-то, и всё. Он, наконец, проснулся, и я сразу же направилась сюда. Правда, ему сейчас очень плохо, — она покачала головой, разглядывая свои ладони. — Дедушка говорит, что ему нужно отлежаться хотя бы пару дней, прежде чем начинать передвигаться.

Голова Зуки вздёрнулась.

— Что? Ему нельзя оставаться в твоём времени! — Она сразу же опустила глаза, вновь почувствовав себя странно. Откуда в ней проснулась такая ревность?

Сеннин положил ладонь на плечо Зуки.

— Успокойся. Ему нельзя возвращаться сюда, если его раны ещё не зажили.

Зуки вздохнула.

— Но это слишком долго. Мы и здесь сможем о нём позаботиться. — Её не устраивал тот факт, что группа разделилась.

Сеннин усмехнулся.

— Ага, но чтобы попасть сюда, ему нужно пройти через Сердце Времён, а с незажившими ранами он может этого не пережить.

Киоко поднялась.

— Мне очень не хочется уходить, но я пришла сюда только для того, чтобы сказать, что с ним всё хорошо. Мне лучше вернуться, пока дедушка и Тама не свели его с ума. — Она подняла свой рюкзак и неловко улыбнулась вошедшему в хижину Камуи, когда их взгляды пересеклись.

Камуи не сдержался, притянул к себе Киоко и крепко обнял её. Его настроение значительно улучшилось, когда он узнал, что Тоя не смог сильно покалечить Шинбея. Когда Киоко не вернулась, он начал думать о худшем.

— Я пока присмотрю за ними с этой стороны, а ты возвращай нашего Шинбея, — он улыбнулся с любовью в своих разноцветных глазах. Он хотел дать ей понять, что не сердится на неё, как Зуки.

Киоко улыбнулась и вручила ему коробку шоколада.

— Только смотри сразу всё не ешь, а то живот заболит. — Она провела рукой по шелковистым фиолетовым прядям в его волосах и обняла его в ответ. Она была благодарна за то, что хотя бы один из них не держал зла на неё. Камуи всегда отличался своим добродушием.

Она прошептала ему в ухо, чтобы Зуки не слышала:

— Если Тоя вернётся, передай ему, что мне нужно с ним увидеться.

Камуи кивнул.

Зуки сидела спиной к Киоко.

— Передай Шинбею, пусть поправляется поскорее, — она шмыгнула носом, и Киоко почувствовала себя виноватой. Отпустив Камуи, она оставила принесённые с собой гостинцы у двери, не желая больше беспокоить Зуки. Она знала, что та потом всё сама найдёт. Она попрощалась и в одиночестве пошла к святилищу, пытаясь понять, где сейчас Тоя.

По ту сторону портала времён Шинбей лежал в кровати с закрытыми глазами, пытаясь утопить бессмысленную болтовню деда в своих собственных мыслях. «Когда же Киоко вернётся ко мне на помощь?» — Он рассмеялся про себя, как сумасшедший. Да, только она могла сейчас спасти его.

Даже с учётом полученных ран он не переставал думать о ней. Это, должно быть, его расплата за грехи. Он прекрасно осознавал, что если бы Тоя узнал всю правду, Шинбей бы сейчас уже не дышал.

Остальные, Тоя в их числе, всегда предполагали, что он всегда хотел только Зуки, таков и был его план. Зуки не хотела даже думать ни о чём романтическом, и это делало её безопасным объектом... который, сам того не зная, играет огромную роль в его лжи. Он начал постепенно засыпать с мыслями о Киоко в голове.

Киоко медленно направилась обратно в сторону святилища девы со смешанными чувствами. Почему Тоя сбежал? И теперь она почувствовала себя эгоисткой из-за того, что заставила других так долго ждать. Она просто думала, что Тоя расскажет им о случившемся. Вся эта ситуация начинала выходить из-под контроля. Им всё ещё предстояло найти разрозненные части талисмана, а где-то неподалёку Хякухэй наверняка строит свои коварные планы. В тот момент казалось, что вся группа трещит по швам.

Тоя наблюдал за тем, как Киоко идёт обратно к святилищу. Он почувствовал её приближение по запаху и направился в её сторону, но только потом заметил, что Шинбея с ней нет. Значит, аметистовый страж остался в мире Киоко... а сейчас она, по всей видимости, собирается к нему обратно.

С момента своего возвращения Тоя скрывался в пещере неподалёку. Он не сожалел о драке с Шинбеем, но не хотел при этом наносить ему настолько глубокие раны. Но поверит ли ему Киоко? Золотистые сферы его глаз наблюдали за ней из сумрака древесных крон. Он знал, что ему придётся поговорить с ней, прежде чем она вернётся к Шинбею.

Киоко посмотрела вперёд и поняла, что уже дошла до Сердца Времён. Она настолько погрузилась в свои мысли, что не обращала внимания на всё остальное. Она вздохнула, затем храбро вздёрнула подбородок и решила серьёзно поговорить с Шинбеем по возвращении.

Киоко остановилась на полпути, уловив краем глаза мимолётное движение. Не успела она моргнуть, как Тоя встал между ней и святилищем. Он пристально смотрел на неё сквозь спутанные волосы, прикрывавшие его глаза, а его волосы и одежда ещё колыхались от быстрого приземления.

Почему от его странных поступков всё её тело вспыхивает, как будто пронзённое током? Стайка бабочек у неё в животе, казалось, впала в брачную лихорадку. Она не знала, что сказать или что делать, и просто стояла неподвижно, пытаясь прочитать выражение его лица. Она видела самые разные эмоции — от вины до злости... даже нотку депрессии.

Наконец, обретя голос, который, однако, прозвучал испуганно даже в её собственных ушах, она заговорила:

— Я... То-я? — Её зрачки расширились, когда его лицо попало в поле зрения, и их взгляды встретились. Киоко не хотела делать шаг назад, но сделала его инстинктивно. Когда она заметила, как он напрягся при её отступлении, она набралась смелости противостоять ему. Киоко осторожно сделала шаг вперёд, чтобы дать ему понять, что не боится его.

Тоя молча наблюдал за ней, чувствуя её страх. Когда она отшатнулась от него, он рассердился и ощутил, как его кровь начинает закипать. Он ждал её дальнейших действий и успокоился только тогда, когда она вновь приблизилась к нему, ликвидировав созданную ей же дистанцию. Он не хотел, чтобы она боялась его.

— Киоко, — его голос звучал строго, но спокойно, — ты знаешь, что я никогда не причинил бы тебе вреда. — Его руки сжались в кулаки. — Я знаю, что ты это знаешь. — Его голос стал более властным.

Киоко прикусила нижнюю губу, услышав напряжение в его голосе. Да, она знала, что он не причинит ей вреда умышленно... но она также помнила и то, что Хякухэй каким-то образом заколдовал кровь Тои, и это сделало его крайне опасным в гневе. Сделав глубокий вдох, она начала медленно подходить к нему.

— Где ты был?

Тоя слышал беспокойство в её голосе, и его глаза широко распахнулись от удивления. Она переживает за него? Он думал, что она не будет испытывать к нему ничего кроме ненависти после того, что он сделал. Он изводил себя одной этой мыслью.

— Как там... Шинбей? — Он стиснул зубы от упоминания этого имени.

Киоко нахмурилась

— Жить будет. Но ему придётся подождать, прежде чем возвращаться обратно. У меня даже не было возможности расспросить его о случившемся, так почему бы тебе не рассказать? — Её голос на мгновение сбился, а потом она прошептала: — Зуки и остальные думали, что он мёртв, — её голос повысился и стал обвинительным. — Ты ведь мог бы хотя бы сказать, где он.

Она смотрела мимо него на статую Девы, избегая его взгляда. Сейчас его страдающий взор был ей невыносим.

Тою бросало то в жар, то в холод. Само это чувство тревожило его. Он мог думать только о том, как она будет ненавидеть его, и не мог с этим смириться. Сама мысль о том, что она провела время наедине с Шинбеем в своём мире, также не давала ему покоя. Особенно после того, что сказал его брат. Это было то же самое, что и угрожать ей.

Киоко наблюдала за переливами эмоций в его золотых глазах, теперь затуманенных мыслями. Он был смертельно спокоен, что начинало её пугать. Она сделала пару шагов, как будто желая обойти его сбоку и подойти к святилищу, но он подвинулся и преградил ей путь, что взбудоражило её ещё больше.

— Слушай, если тебе нечего сказать, тогда я возвращаюсь, чтобы проверить увечья, который ты нанёс своему брату Шинбею, — закричала она на него.

Тоя не мог этого вынести. В мгновение ока он схватил её и сжал в своих объятиях, и всё его существо кричало не пропускать её через Сердце Времён... назад к вышедшему из доверия стражу.

— Киоко, постой, — его голос был по-прежнему слегка грубоват, и он пытался смягчить его, почувствовав её сопротивление. — Киоко, ты не знаешь, из-за чего мы подрались. Ты не знаешь, что он сказал. Ему нельзя доверять. Я ему не доверяю. Он изменился, и мне это не нравится.

Киоко почувствовала, как его руки сжимают её всё крепче и поняла, что он серьёзен. Тоя никогда не лгал ей... Но в чём тогда дело? Она попыталась заглянуть ему в глаза.

— Что ты имеешь в виду? Он такой же, как и раньше.

Тоя низко прорычал:

— Нет, Киоко, он скрыл это от тебя. С ним что-то происходит, и я не знаю, что именно, но я это чувствую. Он что-то скрывает. — Тоя надеялся, что она услышит его слова и не будет считать, что он просто изобрёл предлог, чтобы побить Шинбея.

Киоко нахмурилась. Она заметила странные детали в поведении Шинбея. Но, по её мнению, эти изменения были в лучшую сторону. Однако она знала, что Тоя обладал очень сильными инстинктами, поэтому не могла сразу отвергнуть его точку зрения. Она сделала глубокий вдох, чтобы придать себе уверенности.

— Ты ведь так говоришь не только из-за поцелуя, правда? — Она почувствовала, как грудная клетка Тои завибрировала.

— Тот поцелуй, — рыкнул Тоя и взял её за подбородок, притянув её лицо к своему. Его съедал всего один вопрос: — Киоко, почему ты поцеловала его за своё спасение, а не меня? Не понимаю. — Его глаза опустились на её скривившиеся губы и, прежде чем Киоко смогла оттолкнуть его, он провёл своими губами по её губам.

Когда она начала задыхаться от нахлынувших чувств, Тоя сделал поцелуй ещё глубже, ожидая её реакции. Он слышал, как её сердце ускорилося, и также почувствовал, как нагревается её тело.

Киоко получила поцелуй, которого всегда хотела, но где-то в глубине души не могла перестать думать о том, что он пришёлся совсем некстати. Может быть, он целует её из ревности к Шинбею? «Нет, это неправильно». Она прижалась к его груди, но не только от нехватки воздуха.

— Подожди, Тоя, — сказала она с придыханием. — Остановись, я не могу думать.

Тоя ухмыльнулся и расслабил руки, но не отпустил её.

— Это хорошо, Киоко. — Он что-то почувствовал в поцелуе, и ему полегчало от того, что и она это почувствовала. Может быть, ему не придётся уступать её Шинбею. Он вспомнил угрозу, которой его дразнил Шинбей.

— Шинбею нельзя полностью доверять. Лучше оставайся здесь со мной. Пусть твоя семья заботится о нём сейчас, — он смотрел ей в глаза с немой мольбой.

Киоко нахмурилась.

— Нет, мне нужно возвращаться. Он очнулся всего за несколько минут до того, как я пришла сюда, чтобы сказать вам всем, что с ним всё в порядке, — ей овладело чувство вины. — К тому же, я чувствовала, что вы подрались из-за меня, поэтому я буду заботиться о нём,

пока ему не станет лучше, а потом верну его сюда. — Она прищурилась. — И нам придётся ладить друг с другом, если мы хотим найти остальные части талисмана.

Она ткнула ему пальцем в грудь и, наконец, сделала шаг назад, выйдя из круга его объятий.

— Это означает больше никаких драк. Ты понял? Ты чуть не убил его. — Её глаза обыскивали его глаза в поисках правды.

— Тогда я пойду с тобой, — напряжённо сказал Тоя, вложив руки в рукава и выпрямившись в полный рост. — От Шинбея воняет виной, и я не знаю почему. — Он втайне был рад тому, что она не успела провести с ним много времени с учётом того, что он очнулся совсем недавно. — Я не могу оставить тебя наедине с ним.

Киоко моргнула.

— Сейчас тебе ни в коем случае нельзя приближаться к Шинбею. Он всё ещё мучается от боли, и ты послужил тому причиной. — Она не хотела быть жестокой... она просто хотела на время разделить их. — Давай договоримся. Я вернусь завтра и расскажу всем, как обстоят дела, если пообещаешь мне вернуться к остальным.

Увидев, как в его глаза проникло упрямство, она на мгновение посмотрела в землю, а затем громко прошептала:

— Мы же по-прежнему одна команда... или уже нет? Нам нужно найти талисман раньше Хякухэя.

Глаза Тои опасно сверкнули.

— Если он сделает что-нибудь, а меня не будет рядом... я не смогу защитить тебя и... — его голос слегка повысился, — ... я твой защитник, а не он!

Голова Киоко вздёрнулась при этих словах. Тоя нечасто проявлял свои истинные чувства, но она отчётливо это видела в те моменты, когда его защита рушилась.

Она улыбнулась, пытаясь успокоить его.

— Послушай, Шинбей слишком слаб, чтобы что-то делать, так что не переживай. Я вернусь завтра, — она сделала пару шагов в сторону святилища и увидела, как он собирается ей помешать.

— Тоя! — завопила она, подняв руку и прочитав заклинание усмирения. Голос Киоко смягчился: — Я знаю, что ты не доверяешь Шинбею, но поверь хотя бы мне. Я вернусь завтра вечером. Всё будет хорошо... вот увидишь. — С этими словами она прикоснулась к руке Девы и растворилась в воздухе. Она всё ещё слышала поток его проклятий, когда Сердце Времени перенесло её на другую сторону.

Киоко задумчиво нахмурилась, оказавшись в храме при святилище и осматривая разрушения, возникшие во время их драки. Оглядевшись вокруг, она наложила запирающую печать на руки Девы, решив перестраховаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.